

18+

Любовь Сушко

Волхв, сын Славена

Славянская сага

Любовь Сушко
Волхв, сын Славена.
Славянская сага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42647538

ISBN 9785449686305

Аннотация

Одна из книг цикла «Славянская сага» посвящена детям богов – Славену и его сыну Волхву. Это сказочные хроники, главными героями которых стали боги, духи заповедного леса, эпизодическую роль там играют и люди, конечно. Мрачная и таинственная фигура Волхва кажется невероятно притягательной для автора, ведь от него пошло могучее племя жрецов и чародеев.

Содержание

Вступление	7
Часть 1 Изгнанники	20
Глава 1 Разговор с сыном	21
Глава 2 Дети Дажьбога	26
Глава 3 Старший сын	31
Глава 4 Пророчество	35
Глава 5 Происшествие на земле	39
Глава 6 Изгнание	46
Глава 7 Явление	51
Глава 8 Верный друг	56
Глава 9 Расправа	62
Глава 10 Испытание	68
Глава 11 Явление врага	73
Глава 12 Мать и сын	80
Глава 13 Освобождение богатыря	86
Глава 14 На пиру	94
Глава 15 Наказание за счастье	99
Глава 16 Встреча	103
Глава 17 В чаще леса	107
Глава 18 Объяснение в любви	112
Глава 19 Купальская ночь	117
Глава 20 Богиня смерти	122
Глава 21 Возвращение	126

Глава 22 Появление Лады	129
Глава 23 Появление князя	132
Глава 24 Рядом с князем	136
Глава 25 Вторжение	140
Глава 26 Гибель Варвары	144
Глава 27 Женщина- Змея	150
Глава 28 Выбор невесты	156
Глава 29 Свадебный пир	164
Глава 30 Обидные откровения	170
Глава 31 В покоях Перуна	173
Часть 2 Детство чародея	177
Глава 1 Снова у озера	179
Глава 2 Странное происшествие	183
Глава 3 Рождение Волхва	189
Глава 4 Прогулка в лесу	195
Глава 5 Чудеса продолжаютя	200
Глава 6 Ведьма	206
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Волхв, сын Славена

Славянская сага

Любовь Сушко

© Любовь Сушко, 2020

ISBN 978-5-4496-8630-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЛХВ – СЫН СЛАВЕНА – КНЯЗЬ – ЧАРОДЕЙ

Юный маг в пурпуровой хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.
Аромат сжигаемых растений.
Открывал пространство без границ.
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.
Николай Гумилев

Вступление

Века протекали над землями славянскими. И хотя русские боги были незлобивы, но они понимали, что разное случиться может. На людей в те времена они особенного внимания не обращали, потому что и люди почти не думали о них и лишь смутно догадывались о их существовании. Не стоило связываться с теми, кто не чтит тебя и не собирается приносить жертв. Они не хотели прослыть простаками перед Богами из иных миров. И все шло так бы и дальше, если бы не стали все чаще происходить раздоры в их собственном мире.

Некоторые их детей богов перестали почитать Перуна, даже на Сварога самого все меньше они обращали внимания, не признавали и отца своего

Дажьбога дети женщины – Змеи – Ехидны. И все-то им перестало нравиться в обжитом, привычном мире, и не хотели они больше мириться со всем, что имели.

Зная обо всем этом, чаще всего молчал Сварг. Он верил в то, что они опомнятся и образумятся, и все будет у них совсем по-другому со временем.

Но надежды его напрасными оказались. Ничего они не признавали, и только все чаще ссорились и все реже мирились в те смутные дни.

Чем чаще приходили к нему жалобы, тем больше хмурил-

ся Бог. Он понимал, что рано или поздно ему придется заниматься детьми своими. Дажьбог был так

добр, а женщина эта так коварна и зла, что никому и в голову не пришлось бы с нею связываться. Этим она и пользовалась, окончательно потеряв страх.

Помрачнела жена Дажьбога – Жива и стала требовать, чтобы он расправился с обидчиками. Он не мог ей в том отказать, и без того велика его вина перед нею была.

Наступило затишье. Но это было затишье перед бурей.

И буря рано или поздно должна была грянуть. Это случилось даже скорее, чем многие из них ожидали.

Лирическое отступление

Мы- дети солнечных богов. Начало начал

Скифы врываются в мир моих снов запоздало.

Под предводителем дикая лошадь заржала,

И уносились куда-то в пучину сомнений,

И не искали любви, тишины, вдохновенья.

Странная встреча, почти на границе разлуки,

Скифы летели, мелькали их руки и луки.

Стройные девы в плену и любви, и печали,

Наши сомненья и наши тревоги встречали.

Что это? Сон. Не пора ли уже просыпаться?

В голосе звон, в этом ливне чего нам бояться?

Смотрит мой брат, и проносятся в полночи мимо

Снова скитальцы у стен покоренного Рима.

Пали империи, их даже боги боятся.

Вот ведь не верили, но не могли удержаться.
Так и в сомнении, и в тишине небывалой,
Кони и воины, где это с нами бывало.

3

В жизни какой, у какой и звезды и утехи
Гордые скифы, мелькнули во сне и померкли.
Снова князья у огня, и в сиянии лунном
Вижу тебя, ты такой и красивый и юный.
Падали звезды, им больше огня не хватало,
Луны и грозы веселая полночь встречала.
Только в тумане, в плену тишины и покоя,
Дивные кони выходят опять к водопою.

В древнерусской летописной традиции широко распространена "генеалогическая" легенда, повествующая о походах древних князей

Скифа, Славена и Венда (Вандала). Она также была воспроизведена Татищевым в его «Истории Российской», благодаря чему стала известна и для круга неспециалистов (так, Пушкин даже собирался использовать ее в одной из своих незавершенных поэм). Эта легенда содержится и в так называемой «Велесовой книге». Фабула легенды достаточно несложна, выдавая этой своей примитивностью глубокую архаичность. Указанные герои-князья, находящиеся между собой в родственных отношениях, совершают походы и колонизируют новые пространства. Достигнув в своих странствиях озера «Ирмер» (Ильмень), Славен основывает «град ве-

ликий» Славенск, в котором летописцы видят будущий Новгород.

В русской версии братья Скиф и Славян приходят из причерноморских степей в неизведанный край на Севере, где Славян закладывает Славенск

СЛАВЕН И СКИФ... ДАР СВАРОГА

Явился господин в плаще из звезд,

Сгоревших, но светивших нам когда-то,

И в душу смуту яростную внес,

Священник все твердит: – Грядет расплата.

– За что? За то что знания в цене?

И мы хотим расширить их пределы.

И дерзко повернулся гость ко мне.

– Слабо увидеть мир, ведь ты хотела...

– Но кто вы? – Мефи —стофель, -говорит, —

Тот самый, но философ лгал устало,

Борьба за души – бред, да мне своих

Девать куда? – Потребуешь немало?

– Не мало, правда, камень скифский там,

За пеленой времен еще томится,

За этот камень мир тебе отдам.

– Зачем же он? – В хозяйстве пригодится.

2.

Вот так велась беседа с у огня

Хранитель звезд сгоревших улыбнулся,

Ну усмехнулся, загорелась я,

Нет, не пожар, азарт, и он вернулся:
– Ну что же, в мире слишком много дел,
Извлечь героев надо нам с тобою.
Разоблачить, не то сказать хотел,
Вернуть их сущность мир, я открою
Тебе секрет, что свет потухших звезд
Еще нам память дивную тревожит,
И бередит воспоминаний грезы,
Там прошлое в грядущем видеть можно,
А потому и извлечение вновь
Поможет нам все изменить до срока.
– Пусть торжествует страсть или любовь?
– Гармония, – ответил он, – жестоко

3.

Любить и безответно горевать,
А страсти звезды стольких погасили,
Гармония – ее мы добывать
Пойдем туда, где жили и любили
Когда-то скифы гордые во тьме,
Вперед летели, устали не зная,
И пели песни где-то при луне,
И растворялись, мир не создавая.
– Да, скифы мы, – я вспомнила в тот миг
печальный глас последнего пророка.
И распахнулся звездный этот мир
Хранитель тьмы летел уже высоко,

И высоко звучал какой-то гимн —
Ни звуки, ни слова неразличимы
Душа стремилась в высоту за ним,
И только тени пролетали мимо.

4.

Ретивый конь и царь – в ночной тиши
Их голоса и скомканые речи.
– Да скифы мы, к истокам поспеши.
Сгорели звезды их, остались свечи.
Но те, кто дом не строил на века,
Не слышал речи бога на закате,
Сгорит до срока, жизнь так коротка,
Но свет погасших звезд порой охватит
Далеких душ печали и покой,
И снова будут в мир иной стремиться,
И где-то там, над темною рекой
Я вижу тени, скорбные их лица.
И музыка, о, как она звучит,
В печали и любви ее так много.
Но что там за отчаянный мотив,
Куда вела их млечная дорога?

5.

Хотел к Славену он вернуться вновь —
Бунтарь веселый, младший в этой стае
Орленок догонял свою любовь,
Летел вперед, гармонии не зная.

Славен был так серьезен в этот миг,
Он старый замок обживал сурово.
И на заре Боян пред ним возник —
Посланник неба, и звучало Слово.
Смутился он, услышав в этот час
Слова отца, врезавшиеся в душу.
– Я завещание несु для вас,
Я вам спою, запомни все, послушав.
И вот над замком и над миром вновь
В тиши безбрежной заговор несется.
Что там- огонь любви, такой огонь,
Что заменить способен будет Солнце.
6.

Славен внимал, боясь забыть слова,
Но суть той песни с ними оставалась,
Когда он пировал и горевал,
Вдруг эта песня дивная являлась.
И старший сын, все слышавший тогда,
Запел вдруг снова в трудную годину,
И нет уже от врага следа,
Боянов гимн – их песнь – они едины,
Но где же в это время гордый Скиф?
Он говорил, что сможет жить без брата,
И вот в пустыне грез земных летит,
Сражается, страшны его утраты.
И лишь обрывки непонятных слов

Звучат вдали, за ними не угнаться,
И там, где миром правит страсть, любовь
Ужиться вряд ли сможет, и бояться
7.

Его враги, но мир нет в душе,
И хочется услышать снова песню.
Но ускользает навсегда уже,
Сгоревшая звезда его воскреснет?
Но кто же сохранит ее опять,
И нам вернет с любовью на закате?
И будут скифы гордые взлетать
Метаться, и сражаться силы хватит,
Но не построят в мире городов,
Растают где-то огненные дети,
А страсть еще не вечная любовь,
Она как звезды тает на рассвете...
И виден свет, когда там ночь темна,
Но стоит только Даждю появиться,
Бессильная, растаяла Луна,
Напрасно гордый Скиф уже ярится
8.

– Да, скифы мы, – твердит опять поэт,
Но вижу я прекрасного Славена,
И гимн Бояна, тот нетленный свет
Звучит в душе, и снова вдохновенно
Над пропастью равнины поднялись

Леса – им заповедными остаться,
И просит нас Славен: – Остановитесь,
Да сколько ж можно по земле метаться?
Есть дом и свет, и в душах есть огонь.
И есть заклатье из огня и света,
Гордыня и упрямство, Скиф с тобой,
О, младший брат, ты помнишь песню Деда?
Но надо на земле создать свой мир,
Услышать Гимн Боянов – это благо,
И сжиться с ним, навеки слиться с ним,
Ведь в том твоя надежда и отрада.

9.
Но Скиф молчит, и ржет в тумане конь.
Свой путь он видит, но совсем иначе,
Когда душа устала от погонь
Он валится к костру, но озадачен —
Он музыки не слышит в этот час,
И ничего уже не значит Слово.
Да, скифы часто просыпались в нас,
Но ждал Славен – отчаян и взволнован.
И преломленье музыки в борьбе,
Когда бессилен меч, царит заклатье,
Тогда Славен опять придет к тебе
И распахнет отцовские объятия.
И скажешь ты: – Прости меня, отец,
Твой блудный сын в твой дом опять вернулся,

Я знаю, что скитаниям конец,
Ты мне не веришь? С грустью улыбнулся
10.

Но будет в старом замке пышный пир,
Все лучшее к столу несут славяне,
Как долго по земле наш Скиф бродил,
Но он вернулся, он сегодня с нами. . . .
И в первый раз он слышит эту песнь,
Поет Боян седой нам гимн устало,
И растворилась за любовью спесь.
И плакал Скиф, она напоминала
Ему о мире, матери, любви,
О том, что так дружны когда-то были,
Забытая Гармония в крови
Проснулась вдруг, и пусть там волки выли
И так манила мутная луна,
Из замка брата он не вырывался,
И знал, душа усталая должна
Найти свой стан, о, как он улыбался
11.

И старый Род им радугу послал,
Он был доволен внуками своими,
Скиф в капище пришел и меч отдал,
Боянов гимн хранил его отныне. . .
Лес заповедный, капище во тьме
Мы камень Перепутный отыскали.

Хранитель звезд опять пришел ко мне
Не дерзок был теперь он, а печален.
На камне Золотая цепь блестит —
Боянов гимн там высечен когда-то...
– Мы извлечем его, – он говорит, —
И в этом и награда и расплата,
Но странно хриплый голос изменяя,
Он сам передо мной разоблачился...
– Руслан? Руслан!!! – и так стихи звенят,
И древний Витязь в бесе проявился
12.

– Был зачарован столько я веков,
Но в этот мир не мог я не вернуться,
Меня спасла к гармонии любовь,
Гармония в любви, и я очнулся,
Как дерзкий Скиф, пошли скорей домой —
Закончено сражение вековое,
Ты камень Перепутный им открой,
Он опоясан Цепью Золотою.
Сокровище нам сохранил Кашей,
И ярок свет звезды, давно сгоревшей.
И мы свободны от иных цепей,
Поет Боянов гимн Руслан воскресший.
Ему внимают птицы, духи, мир,
И радуга богов над ним сверкает,
Из Тьмы идут сюда Славен и Скиф,

И их Руслан и волхв здесь встречают.

13.

Могучей и прекрасной стала Русь.

От сна очнулась в этот миг рассвета,

Молитвы позабыв, страданья, грусть

Мы гимны наши повторяем светлые...

Они звучат, как в прошлые века,

Погасшие светила их хранили,

И пусть была дорога не легка,

Но мы с тобой Славена не забыли

Он с нами, Золотая цепь нам явит гимн

Сокровище, заклатье, завещанье.

Парит Орел – наш Рюрик там над ним.

Князь Святослав нас радостно встречает

И вместе с ними и Славен и Скиф,

Мы внуки их, мы вечные славяне,

И не было и нет богов других.

Боянов гимн – он вечно будет с нами

Часть 1 Изгнанники

Глава 1 Разговор с сыном

пасмурных дней (В Нави почти всегда сияло солнце, а тучи появлялись, только предвестием, каких-то грозных событий) Дажьбог, оставаясь где-то в тени, хотел поразмыслить над всем, что происходило. Сварг и послал за ним беса, чтобы объявить ему свою волю. **В один из немногих**

Понял солнечный бог, когда появился этот тип, что ждать ему ничего хорошего не придется и нужно держать ответ перед Верховным богом за то, что вокруг творилось.

Во всех своих несчастьях винил он коварную жену свою, не хотел он думать и о той, другой, из-за которой все беды приключились. Но ни в чем он ее винить не хотел. Потому что она принесла ему столько счастья, о котором он, живя с Живой, не подозревал даже. Это она богов не убоялась, когда с ним остаться решила. Дажьбог готов был пострадать, но ее терять никак не хотел.

Он надеялся, что отец сменит гнев на милость. Сварг всегда добрым нравом отличался. И он по дороге к нему немного успокоился. Он и подозревать не мог, насколько ошибается. Даже богам далеко не все бывает известно.

Во дворце Сварга все было вовсе не так тихо и мирно, как он предполагал. И по тому, как на него взглянула Яга, он понял, что дела его обстоят скверно. На этот раз ничего не обойдется – пора ответ держать.

Сварг был спокоен, как всегда. Но это спокойствие и тревожило больше всего. Лучше бы ярился. Но он молчал. Нечего было сказать и Дажьбогу. Но как только перед ним появилась Жива, он понял, что теперь самое главное и начнется.

– Я не стану больше терпеть Ехидны и ее сыновей, – капризно заявила она, и замолчала, ожидая ответа от Сварога, на предателя – мужа она не смотрела даже.

Они молчали. И тогда снова раздался ее голос:

– Они считают себя здесь самыми главными. Пусть она околдовало его так, что он потерял рассудок окончательно, но я то в здравом уме, все вижу и терпеть этого бесчинства больше не буду. Все должно сейчас решиться.

– Куда ты прикажешь им деться? – спросил Дажьбог у гневной жены своей. Он впервые испытывал до сих пор ему неизвестное чувство ненависти, да еще и к той, которую боги определили ему в жены. Но за столько веков и с богами всякое случиться может. Он так много слышал рассказов о похождениях греческих богов, что собственная жизнь ему показалась серой и однообразной. И он, светлый и ясный, согревающий всех в этом мире, решил, что никогда не будет верен одной женщине, хотя и волю богов вряд ли сможет нарушить – он не собирался ее оставлять. И теперь, когда она упрекала его перед Верховным Богом за то, что он неверен ей, в его душе загорелась невероятная злость. И он никак не мог с ней справиться.

Жива плохо знала мужа своего. Он только теперь заметил, что оба они (И Сварг и Жива) смотрят на него и ждут от него какого-то решения. Но он молчал.

Он ничего от них не скрывал, просто не хотел принимать никакого решения.

Сварг оставался, спокоен, Жива ярилась. Он рассмеялся бы, глядя на них, если бы это не касалось судьбы его детей и его возлюбленной.

– Почему ты молчишь? – воскликнула Жива, готовая разрыдаться. Вечные женские штучки. Она стояла на своем.

– Мне нечего сказать, это вам придется решать, – говорил он сердито.

– У нас творятся страшные вещи, происходят они не без твоего участия, – снова начала она о самом больном.

Жива хорошо знала, как он относится к своей наложнице и ее детям. И она вовсе не хотела видеть, как они удаляются вечером от всего мира в его дворец – это было невыносимо.

– Уж не собираешься же ты их отправить из нашего мира, – насторожился

Дажьбог, понимая, куда она клонит. Он понимал, чего хотят от него добиться эти двое.

– Именно это я и собираюсь сделать, – она говорила громко и злобно, и понимала, что если проиграет и отступит, то все останется так же, как прежде, а этого ей уже не пережить. Но если Славена она еще как-то могла терпеть, то Скиф казался ей совершенно несносным. И каждый день ря-

дом с ним был для Живы настоящей пыткой. Она не задумывалась о гневе мужа своего. Он к ней никогда хорошо не относился. Но может быть не только колдовство тому причиной.

Возможно, Дажьбог и на самом деле очень любит эту женщину. Так это выглядело со стороны, и для нее было обидным и необъяснимым. Что же им с людьми делать, если в Сварге такое творится.

Оба они посмотрели на Сварога. Он до сих пор все еще молчал. Им показалось, что они ничего от него не смогут добиться.

– Они должны отправиться на землю, к людям, – заговорила Жива, – пусть эта Змея о них там позаботится.

От Живы не ускользнуло, как побледнел бог, и как яростно он на нее взглянул. Если бы она была смертной, то могла умереть от разрыва сердца. Но она просто опечалилась. Она понимала, что он отомстит ей, и ее жизнь с ним окончательно испорчена, но остановиться все равно больше не могла. Но она сделала все, что могла. И остается лишь смотреть на то, что с ними еще может произойти.

Дажьбог не обращал на нее больше никакого внимания. Он смотрел на того, кто должен был принять это решение и обречь его сыновей на жуткое существование, лишив их небес.

Они окажутся среди людей, продолжат борьбу за свое существование, но самое главное – они станут смертными. Как

Жива могла оказаться такой жестокой, даже не по отношению к нему, а к его сыновьям, которые перед нею не были ни в чем виноваты.

Он готов был в тот момент и ее сыновей отдать в жертву на землю, но сдержался. Хотя ему хотелось посмотреть на то, как эта женщина будет страдать и мучиться. Во злобе она не понимает, что Ехидна не останется в долгу и с ее собственными детьми что-то случится. Пусть тогда только себя в этом и винит.

Жива в те минуты о том не думала, но Сварг не мог не думать, потому он и решил отложить приговор и поговорить сначала с ней.

– Я вынужден буду прибегнуть к крайности, – заговорил он, но немного позднее, когда они подрастут и окрепнут. Если даже Боги не способны у нас в мире жить, то что говорить о людях.

Они ушли в разные стороны. А он оставался на троне своем восседать. Он только на время отложил трудное решение.

Глава 2 Дети Дажьбога

Ехидна встретила его на поляне перед дворцом Сварога. По ее виду он понял, что ей обо всем известно. Она знала, что речь шла о ней и о ее сыновьях и даже угадала, каким окажется решение справедливой богини жизни. Она знала, что та, у которой ничего не осталось, даже собственного мужа, не оставит ее в покое. А уж на земле, где она заправляет всем, она найдет, как посчитаться с ее детьми. Но разве на что-то годятся ее собственные сыновья? Самый старший и лучший из них – Кий, не блещет ни красотой, ни умом. Она порадовалась бы этому, если бы ей не пришлось тревожиться за своих детей.

Вот ее Волхв – он будет самым сильным чародеем в своем времени и чародеем на все времена, он нигде не пропадет, а земля для него самый желанный, самый лучший мир, хотя сам он о том пока еще не ведает. Но и у нее после такого бесчинства будут руки развязаны, и она сможет поступать с их любимцами так, как ей вздумается. По его лицу она поняла, что пока еще ничего не случилось, хотя случиться могло, нужно быть готовым ко всему.

– Почему ты заступился за меня и моих сыновей, – приступила к нему неожиданно она, не в силах скрыть свой обиды.

Это не обязательно надо было делать – Сварг мудр. Я

не знаю точно, что у него на уме, но пока все обошлось, и дальше обходиться будет.

– Она не успокоится, что же тогда предпринять нужно будет? – она думала о себе, понимая, что ее возлюбленный о себе сам должен побеспокоиться. Хотя он был совсем не таким, как ей казалось в самом начале. И она знала., что действовать придется самой и одной, как не горько было сознавать такое.

Ехидна смотрела на того, на кого возлагалось столько надежд, и никак не могла понять, что же от него стоило ожидать. Но она не привыкла долго раздумывать и печалиться. И понимала, что со всем она справится, как бы не хитра, не зла была ее соперница – все у нее получится.

Вот и Дажьбог немного испугался в тот момент, он хорошо понимал, что она не отступит, не стоит даже надеяться на их примирение.

– Мои дети выживут на земле, я об этом позаботилась, но пусть ее сыночки ненаглядные попробуют там оказаться, – говорила она тихо, но угроза звучала еще явственнее. И это была не пустая угроза – она непременно ее исполнит. Он не очень-то любил Кия, Щека и Хорива, но они оставались его сыновьями, хотя родила их ему не любимая женщина.

– Ты не должна на нее особенно обижаться, она права в чем-то, – говорил он, – она требует справедливости.

– Но что такое твоя справедливость? Я не хочу о ней ни-

чего слышать, – вопила мать его сыновей, и в ее облике была какая-то скрытая угроза. Вот и окажись между двумя богами.

Расставшись с Ехидной, Дажьбог все время спрашивал себя, что же такое он в ней нашел. Почему он так к ней привязан. Но это было для него непонятно, необъяснимо.

Как много времени прошло с того момента, когда он никак не мог отказаться от связи с этой женщиной. И как плачевно это для него закончилось.

Это понимала и жена его верная, но ничего изменить не могла. А если что-то в их бессмертии менялось, то только в худшую сторону. Но она знала характер своего сына. Как только до него это дойдет, Славен не захочет ни с чем примириться. Все завершится для них полным крахом, но об этом она пока старалась не думать. Славен, обученный с ее помощью многим премудростям, хотя он и был еще дитем малым, взглянул в тот момент на бабушку грозную свою. Все время он находился где-то поблизости, любил подглядывать и подслушивать, считая это чрезвычайно полезным занятием.

– Скажи, что станет с нами и нашими детьми? – вопрошал он, прекрасно зная, что ей ведомо грядущее.

Ехидна рассеянно на него взглянула. Она даже не сразу поняла, что ему известно все или почти все из происходящего во дворце Сварога.

– Я не знаю, что будет и знать, не желаю, – воскликнула она сердито, думая о том, что со временем он перехитрит

сам себя.

Но она успокоилась, стараясь скрыть свое раздражение от назойливого мальчика. Она понимала в глубине души, что от него ничего невозможно будет скрыть. Он смотрел на нее, не мигая, но она повернулась и отправилась прочь. Он требовал слишком много, а она не собиралась потакать его капризам. Она знала и, что все может обернуться по-разному, это ясно будет, когда выявится, насколько далеко все зашло. Она не думала о том, что ребенок будет вмешиваться в происходящее и сыграет свою роковую роль.

– Ни о чем не смей никому говорить, – предупредила его она, не понимая, что может с ними со всеми еще случиться, никому лучше не знать лишнего, когда произойдет, тогда и будем о том думать.

Но она вовсе не была уверена в том, что он прислушается к ее словам – его дерзости не было границ.

Его усмешка и на этот раз если не испугала, то встревожила ее. Но без него так сера и прозаична, казалась ее жизнь в последнее время.

NoNoNoNoNoNo

В их чертогах стояла в тот момент поразительная тишина. Словно больше ничего не могло интересовать их. И когда все стало разрушаться, созданное упорно веками, они становились странно похожи, на тех богов, о которых не смолкали самые противоречивые слухи и звучали странные истории. Когда она схватилась, было уже поздно.

Сварг почувствовал страшную усталость, когда он остался один. Он хорошо понимал, что должно что-то случиться, но почему именно теперь?

В свое время сквозь пальцы он смотрел на увлечение блистательного Дажьбога коварной Ехидной, пока это не зашло очень далеко, он не любил Славена ни Скифа, но так жестоко поступать с ними не собирался.

Он очень устал за последние века и больше всего хотел только покоя. Все в его душе протестовала против перемен. Но и ему было понятно, что нельзя вернуться к прежней жизни. Но как только они окажутся на земле, страшные перемены совершатся и там. Его помощник – Мефи, не скрывал своей радости. По странному блеску в его глазенках было понятно, что он обо всем догадывается, во всем собирается принимать участие.

– Не радуйся особенно, – говорил он, – думаю, тебе ничего не достанется. Но может быть хоть какое-то развлечение будет, не унимался тот, – скукотища – то у нас смертная.

Но ничего на это не ответил ему старик. Он смотрел вдаль и ничего не говорил

Глава 3 Старший сын

Славен охотился и развлекался. До него еще не дошли слухи о происшествии на небесах. Он наивно считал, что в их Сварге ничего нового не случилось, и случиться не может. Он не хотел обращать внимания на мелкие недоразумения. И хотя он был сыном Ехидны, но отличался не только умом, но и силой и красотой, и тешился часто тем, что в одиночку шел на самые рискованные дела и ничего не боялся, справедливо полагая, что и бояться ему особенно нечего.

Все окружавшие отличали его поразительное миролюбие и ценили в нем чувство справедливости. Он и создан был для того, чтобы суды вершить, блистая мудростью своей. И если бы мать его была Жива, а не Ехидна, то цены бы ему вовсе не было, но в данном случае, все относились к нему немного настороженно и недоверчиво, чтобы он ни делал и как бы себя не вел. Но те, не в чью пользу были приняты решения, все время напоминали ему о грехах.

Он это хорошо знал, но понимал и другое – в этом мире кто-то должен присматривать за тем, чтобы не творилось произвола. Иногда ему казалось, что именно для этого он и был рожден. Но так как в Сварге ничего особенного не происходило, то он и должен был отправиться на землю. Ему даже несколько раз снился сон о том, что он оказался среди людей. Они окружали его, а он рассказывал им о чем-

то важном и значительном. И в полной тишине внимательно они его слушали. Это таким приятным ему казалось, что ему и захотелось на земле оставаться. Но говорить об этом с матерью или отцом он не хотел, зная, что они с этим не согласятся и все напрасно будет.

Ни одной живой душе не говорил он о том, но он знал, что рано или поздно так случится. Ему не придется их упрашивать.

Странная мечта о земле и о людях еще долго жила в его душе, но должно было пройти время, чтобы она осуществилась. А может, кто-то из богов захотел облегчить его участь? Но об этом он в те минуты еще не задумывался. И странная скука сковала его душу. И Славен отправился к Скифу, которого кроме охоты, диких страстей ничего не интересовало больше.

– Ты не устал развлекаться? – удивленно спросил его Славен.

Тот не особенно понимал его слов. Он никогда не отличался большим умом.

И странный разговор раздражал его. Но он решил ответить:

– Меня все устраивает, хотя нынче женщины ленивы и грубы. Уже нескольких я приказал скинуть в пропасть.

На первый взгляд могло показаться, что весь мир находится в его власти. Он умел пустить пыль в глаза.

– Но я не о нынешнем дне, – возражал Славен с досадой,

я о том, что в этом мире нам больше нечего делать – все предрешено. Никогда не будет ничего нового и интересного.

– Но что ты хочешь получить? Какой-то ты странный нынче.

Было видно, что разговор пустой и не имеет смысла, и Славен решил просто уйти, досадуя на то, что явился сюда. Его придется туда с собой прихватить. И потому что на земле должна быть хоть одна родственная душа, и потому что нечего ему тут без старшего брата оставаться. Он с усмешкой вспомнил про Кия и Щека – вот уж кому точно на земле нечего делать. Но Скиф может отчаянно воевать, он поможет ему, если туго придется.

Странно было сознавать, что ничего он не знает о том, что творится на земле.

После того, как Славен ушел, скиф растерянно посмотрел ему в след. Он понимал, что брат его что-то знает, о чем-то беспокоится и не может понять, как ему поступить. Но закончится все это, какими-то большими переменами для них обоих.

Он скорее догадывался о том, что существует какой-то совсем иной мир, куда можно наведаться для разнообразия, но не стоило задерживаться надолго, но только в крайнем случае. Особенного желания у него не возникало метаться по бесконечным просторам. В воздухе витал дух чего-то нового, Славен, с его тонким умом почувствовал это первым.

Скиф решил не обременять себя раздумьями. Когда свер-

шится – тогда он и отправится туда и видно будет что да как делать надо.

NoNoNoNoNo

Взглянув на Скифа, Ехидна не могла не заметить, как он переменялся. Она чувствовала, что они оба что-то замышляют. Но за него она не особенно боялась.

Ничего хорошего не выйдет из него никогда. Вот и пусть испытает себя там, сгинет, значит, такова судьба.

– И ты явилась ко мне, непонятно, что с вами со всеми стряслось, – вместо приветствия говорил он матери своей.

– Ничего страшного, дружок, может и обойдется.

– А если не обойдется, – насторожился он.

Но она сделала вид, что не слышит его последних слов. Мужества ему не занимать, но у него так мало ума, что страшно становится, хотя возможно для воина и князя это не такая уж большая беда.

Глава 4 Пророчество

Сразу после Скифа, не доверяя себе самой, отправилась Ехидна к Срече. Она хотела точно знать, чего ждать, что с ее сыновьями может случиться в ближайшее время. Она подозревала, что богиня судьбы не любит ее, боится ее коварства. И она может отказаться с ней разговаривать. И все-таки оставалось надеяться на лучшее. Она не станет сердиться долго на ту, которая, как и все остальные, полностью от нее зависит.

Среча все знала о том, что происходило в чертогах Сварога, она понимала, волнения и тревоги Ехидны. Никого из богов до сих пор не бросали на землю навсегда, если они там и появлялись на короткий срок, то тут же возвращались назад.

– Ты должна мне сказать, что случиться. Я не стала бы беспокоить тебя, если бы это не было так важно.

Богиня судьбы и Женщина-Змея долго смотрели друг на друга. Она молчала, словно была зачарована каким-то видением.

– Я никого ни в чем не могу винить, но ты можешь предупредить самые большие беды, – снова подала голос Ехидна.

И тогда Богиня заговорила, вдруг переменив свое решение.

– Они останутся на Земле навсегда, – услышала Ехидна

голос судьбы. – По-разному там с ними все происходить будет. Славен добр и справедлив, хотя он много страдать будет, для него все кончится не так плачено, как для Волхва и для Скифа.

На лице Ехидны отразилась странная боль – колдунья говорит о том же, а ей так хотелось услышать что-то успокаивающее.

– Скиф дик и не обуздан. И народ на земле на него будет похож. И все они быстро сгинут, уйдут в небытие, растворятся в бескрайних просторах. И только странные их следы найдут через много столетий. И боги их страшны будут, и легенды о них страшны.

– А род Славена? – спрашивала нетерпеливо Ехидна, она хотела найти во всем этом хоть какое-то утешение.

– Род Славена останется на тысячелетия, он вырождаться и исчезать будет очень медленно и мучительно. Многие чужаки поработать их захотят, кому-то это и удастся на какой-то срок. Но сами эти люди никогда не научатся жить дружно и друг друга истреблять начнут. Горька и поучительна для других будет их история.

Ехидна казалась спокойной. Они должны были уйти рано или поздно, пусть живут своей жизнью, владеют своими мирами.

Она знала только одно, и дети Живы отправятся туда, а вот им еще хуже там будет. Об этом она обязательно позаботится.

Она хотела побольше узнать о том мире на земле, как там начиналась жизнь, как все происходило тогда.

Богиня рада была поговорить с ней об этом. Ее редко спрашивали о самом главном – о жизни, каждого интересовал только свой собственный отрезок времени.

– Во все времена боги боролись между собой, – говорила она задумчиво.

Сначала свет даже не мог соперничать с тьмой, пока у нас Дажьбог не появился и не обогрел весь мир. И никогда ничего не получишь без борьбы.

– И кто же побеждал? – спросила нетерпеливая слушательница

– По разному было, но сдается мне, что так этот мир устроен, что ни свет. ни тьма до конца победить не могут, за победой сразу поражение следует, а после поражения снова победа, и все от того зависит в каком времени окажутся герои наши, хотя от силы их и мастерства, наверное что-то тоже меняется, но не думаю, что на это можно особенно надеяться.

– В какое же время мои дети попали? – спрашивала себя она, но чтобы не искушаться, ничего спрашивать у волшебницы не стала.

Она знала, что в тот момент, когда их час пробьет, и она вместе с ними бороться станет, и неважно что победа или поражение, ждет их впереди. Они наполовину Боги, от них тоже что-то зависит, так решила она, прощаясь с Сречей.

Но благодарить ее не стала.

Волшебница молча взглянула ей в след, но ничего не сказала. Она получит свое, в свой срок получит, не стоит на нее огорчаться и сердиться. Она и сама задумалась о том странном времени, которое было уже не за горами. Раздор и ссоры пришли на их мирные земли. И богам придется разбираться и с детьми, и с внуками своими, такое со всеми рано или поздно случается. И к ней в такое жаркое время чаще станут приходиться за советами и пророчествами.

Но выслушав даже самые печальные прогноза, она не собиралась им лгать, они все равно не перестанут надеяться на что-то. Они верят, что могут исправить, умножить хорошее, и уменьшить дурное, но она-то знает, что так не бывает. И сколько бы они не убеждались в том, что это невозможно, но все так и будет. И пустая затея учить их уму -разуму, ничего с течением веков не меняется в этом мире.

Глава 5 Происшествие на земле

А тем временем на земле спокойно жили люди. Они знали или догадывались, что существуют боги, которые и правят этим миром. Самые прозорливые приносили им жертвы на всякий случай, капища для них строили, хотя не особенно в них верили и не часто убеждались в том, что в этом есть какой-то смысл особенный. Но когда сверкала молния, ослепляя их, когда оглушали удары грома, тогда и хватались многие за головы и за жертвы, и понимали, что неправильно живут они. Но гроза быстро проходит, а память человеческая странно коротка бывает.

Самым красивым и значительным был храм Световида – молодого и прекрасного бога-воина. А жрецы в этом храме рассказывали о двенадцати подвигах бога своего. И не только для услады музыка играла, и танцевали юные и прекрасные жрицы. Но была еще у них святая обязанность – поддерживать огонь у ног бога своего. Истукан его был великолепен. И страшным грехом было, если жрец, несший службу свою, заснуть мог, тогда чаще всего гас священный огонь. Тогда уж не снести ему было головы, потому что многими бедами и лишениями грозил такая оплошность.

№№№№№№№№№№

Проснувшись в то странное утро, старший жрец-Боговед обнаружил в своем капище жуткую картину, от которой

не мог он не содрогнуться. Не только спал его жрец богатырским сном, но и огонь у ног Световида давно погас, и угли совсем остыть успели.

После приступа ужаса он в ярость пришел. Пробудившись от его криков, жрец все сразу понял, и готов был в ту же минуты с белым светом попрощаться. Лучше бы он совсем не просыпался.

Как это ни странно, участь свою он воспринял довольно спокойно, и умолять о милости не стал, только пожал плечами и выразил всем своим видом странную покорность.

Но что можно поправить, когда самое страшное уже совершилось? Не мог он ума приложить. А услужливые помощники у ворот храма возводили костер, чтобы поплатился он за проступок свой дерзкий. Перед лицом всех должен был превратиться в прах молодой жрец. Боговед надеялся, что боги увидят, как он суров с этим человеком, и не станут посылать на их головы новых несчастий.

Весть о страшном происшествии облетела все селение. Многие вопили о бедах и горестях, которых и без того было немало, но многим просто любопытно было взглянуть, как парня живьем сжигать станут. И только у немногих из собравшихся на лицах появилось что-то похожее на жалость и сочувствие к бедняге. Но не каждый день такое зрелище увидеть можно было, вот и глазели, открыв рты от нетерпения.

И взглянув на них внимательнее Боговед, которому

и предстояло послать насмерть огненную несчастного парня, усмехнулся. Но какой-то странной была эта улыбка.

И парень не особенно печалился оттого, что не останется среди них жить дальше. Эти люди были ему глубоко противны, и он не скрывал своего презрения к ним. Может, в других мирах все по-другому происходит, и он еще порадуется за то, что все так вышло, и он избавился от никчемной жизни своей.

NoNoNoNoNoNo

В тот момент в Сварге Славен вернулся из очередной прогулки по небесной бесконечности. Бесенок с радостью рассказал ему о происшествии на земле. И сообщил он ему услужливо о том, что и Перун и все остальные боги уже давно наблюдают за тем, что там происходит, и ни разу о нем не спрашивали.

Славену не хотелось видеть этого зрелища, но он понимал, что должен быть с ними. И пошел к тому месту, откуда земля была видна, как на ладони.

Но смотрел он не на происходящее там, а на Световида, уверенный в том, что тот сам погасил огонь, когда увидел, что жрец спит, чтобы попугать его немного, а теперь он должен заступиться перед другими богами за несчастного и погасить огонь этого костра. Но к его удивлению, тот не собирался этого делать. Наоборот, он был доволен происходящим.

Тогда, понимая, что от Световида поддержки не дождешь-

ся, Славен обратил свой взор к Перуну. Уж он-то должен остановить весь этот фарс, который никому не был нужен, кроме глупых зевак на земле. Живой парень им еще пригодиться, но что взять с мертвого. Но и Перун не собирался чего-то предпринимать.

Славен не понимал, почему его это так задело, но потом до него дошло, что боги всемогущие и гордые в такие минуты похожи на несчастных людей. И они не прочь смотреть на чужие муки, и не найдется тех, кто готов свой голос против остальных подать. Такое открытие его поразило до глубины души.

До казни оставалось несколько мгновений. Никто не мог ожидать, что в тот самый миг и зазвучит его голос. Многие и вовсе не видели, что он пришел сюда.

– О, Громовержец, останови это, пусть они там прекратят расправу.

Слова казались небывалой дерзостью, но должен быть хоть кто-то, кто ничего не боится.

Перун и без того был зол на него. К бедняге – жрецу он не испытывал никаких чувств, и был просто заодно со всеми. Но он яростно и резко повернулся к посмевавшему подать голос:

– А почему это я должен его спасать? – ярился он, да так, что остальные постарались от него отстраниться, и Славен один оставался неподвижен рядом. Ион твердо и спокойно стоял перед властелином:

– Потому что ты первым из богов себя считаешь, и можешь показать, что не все твоим людям позволено.

Эти слова должны были что-то изменить, хотя капризы богов порой непонятны и необъяснимы.

– Они делают то, что должно, – Перун был тверд в своем убеждении.

Спросить с ним в те минуты было еще опаснее.

– А мне кажется, что твои жрецы могущественнее тебя самого, потому все и происходит. Ты боишься, что они тебе не подчинятся.

Это было невероятной дерзостью. Даже Ехидна побледнела, а Жива усмехнулась, хорошо понимая, что ей не надо больше прикладывать усилий для того, чтобы избавиться от Славена и брата его Скифа.

Они сами все сделали своими руками и не на кого им обижаться.

– Вот ты туда и отправишься проверить, стоят ли чего-то жрецы мои или нет, – орал Перун и гремели громы, и сверкали молнии. Даже люди на земле заметили это и странно зашумели.

Происшествие на небесах истолковали по-разному. Многие были уверены, что боги на них гnevаются. Если бы бедняга в костре был еще жив, они попытались бы его оттуда вытащить. Но некоторые истолковали это как одобрение их действий, и уверяли, что Перун доволен совершившимся. Но никто из них не узнал, что яркая молния решила судьбу

Славена, сына Ехидны, дерзнувшего за жреца заступиться.

Перун ждал, пока мальчишка попросит у него прощение, он мог еще изменить свое решение, но тот не проронил ни звука. А потом наоборот заявил:

– Воля твоя, я пойду туда, там мне не будет хуже, чем тут с вами. И не жди, чтобы я попросился назад, этого никогда не случится.

Все молчали, он повернулся и пошел прочь. И Скифу ничего не оставалось, как только последовать за ним. Как ни глуп он был, но понимал, что ничего хорошего ему не стоит ждать, если он останется здесь один без брата своего. Если Славену хоть кто-то сочувствовал и симпатизировал, то он со всеми успел перессориться, и они с радостью на него накинута, и все равно прогонят.

Он знал, что будет спокоен и защищен немного только с братом своим, где бы они ни находились.

Жива, проходя мимо Ехидны, посмотрела на нее победно. Она всем своим видом показывала, что не надеялась на то, что победа будет такой легкой и быстрой. Но что-то во взгляде соперницы ее насторожило. Она догадалась, что это еще не все, произойдет и для нее что-то очень неприятное. И она запоздало поняла, что ее сыновья, может быть, находятся в еще большей опасности. Она не подумала об этом прежде, а надо было думать. Славен перед Перуном не дрогнул- такой наглый и заносчивый, он нигде не пропадет. А что будет делать ее Орей, если и ему туда отправят?

Правда, она считала, что пока рано о чем-то беспокоиться, но надо быть осторожной. Но Ехидна уже помчалась к своим сыновьям, чтобы попрощаться с ними. Жива могла какое-то время еще провести в покое, но она больше не радовалась своей победе над соперницей. Все ее горести и беды происходили оттого, что она сначала делала что-то, а только потом начинала размышлять о сделанном. Но Ехидна успевала все, и ничего не собиралась забывать и прощать. Торжество Живы и стало последней каплей, которая переполнила чашу ее терпения.

Глава 6 Изгнание

В стороне от всех этих происшествий оставался Дажьбог. Все выдавший, обо всем знавший, ничего он не говорил и не делал, понимая, что сын его обречен, ничем ему помочь он все равно не сможет.

Перун не станет внимать его словам, а может придумать и худшее наказание, хотя ему трудно было представить что-то хуже, чем жизнь на земле, где их подстерегали самые жуткие опасности, и самое главное – они становились смертными. Он спокойно укрылся от взгляда жены своей и возлюбленной. И та и другая ничего хорошего сказать ему не могли. Да и самому ему противно было думать о своем бессилии.

Дажьбог радовался тому, что Марена была увлечена своими сыновьями, а Жива не видела его и знать не особенно хотела.

Перун заметил его исчезновение, его взяла досада за то, что и на этот раз этот солнечный бог, с которым они так долго носились, оставался в стороне. И как только он может так обходиться с этим миром? Но что с него взять.

№№№№№

Славен, после происшествия, в Сварге и задерживаться не стал. Казалось, что он давно ждал этого момента. И только Марена все еще хотела убедить его в том, что ему надо одуматься.

– Ты и представить пока не можешь, каким опасностям ты себя подвергаешь.

Здесь он не сможет расправиться с тобой так просто, а там ты у него в лапах кровавых останешься.

Но он только отодвинул ее в сторону. И такая усталость и тоска была во всем его облике, что не стоило, наверное, его больше останавливать.

– Но подумай о брате своем, – наконец бросила ему в след она, – ему там вовсе нечего делать.

– Ему там не будет хуже, потому что тут он уже со всеми перессориться успел, может быть образумится.

Она отступила, понимая, что напрасно тратит свое красноречие. Он не станет ее слушать. Она вспомнила слова Сре-чи, и поняла, что если и сможет для них сделать что-то, только тогда, когда они на земле окажутся. И стала она думать о том, что не только ее дети, но и сыновья Живы должны туда последовать.

Она поспешно попрощалась со Славеном и Скифом. В глазах ее блеснул странный огонек. Они понимали, что она думает о чем-то другом. И тот, о ком она думает, обречен. Ему не позавидуешь.

NoNoNoNoNoNo

И отправился Славен вместе со Скифом в поля, расположенные с двух сторон от неведомой реки, и решили они по дороге, что каждый из них останется в каком-нибудь большом поселке, объявив себя князем и предводителем,

там навсегда и будут земли, где им предстоит жить. И хотя Славен тревожился за брата своего, он оставался вспыльчив и непримирим со всеми, но он надеялся, что и для него найдется какой-то народ и какая-то земля, на которой он себя уютно ощутит. Оставалось только обустроиваться тут, потому что возвращаться назад они не собирались. Для себя он сразу нашел большой поселок, в котором только что сожгли жреца, и решил, что если этот неведомый человек из-за них пострадал, то они и должны здесь оставаться. И они будут терпеть его.

С земли, с высокого пригорка поселок показался ему солиднее, чем он думал в начале. И он пока не думал о том, что вовсе не так просто ему будет сладить с этими людьми, они строптивы, ленивы, и мало на что годятся.

Скиф отправился со своими воинами дальше. И были они такими же дикими и свирепыми, как и он сам. И стали их жрецы придумать себе богов, вовсе не

похожих на тех, какими они на небесах были, все они делали против правды и законов на земле.

– Может, и увидимся еще, – говорил он, прощаясь с братом своим, но он не особенно рвался встречаться с ним. На земле Скиф почувствовал раздолье небывалое. Он надеялся, что справится сам со всем, что с ним случиться может, и шел неумолимо вперед. Он был уверен в том, что от старшего брата должен держаться подальше.

Постоял немного на перекресте Славен, глядя ему в след,

и тоже поехал прочь. Видно все не так плохо, как они думали сначала, не стоит перед всеми богами прогибаться, и самому что-то можно сделать.

Настроение было хорошим, хотелось жить и сделать многое, ничего не предвещало беды. Самое большое, что для них сделает Перун – постарается о них забыть, но это вполне их устраивало.

Собрались братья строить собственный мир, так как им этого и захочется.

Славен повернул к поселку, подъехал к пепелищу, на котором еще недавно корчился в муках несчастный жрец. И смотрел он на то место с интересом, и взгляда оторвать никак не мог.. Ему казалось, что тень казненного перед ним появилась и его о чем-то вопрошает.

Ничего неизменно в этом мире. И то, что я на земле, а не в небесах, это уже большая перемена. Но я постараюсь изменить этих людей и эти земли.

И ему показалось, что этот человек услышал его. Хотя тело его обратилось в прах, но ведь осталась душа, ее невозможно так просто уничтожить. Погруженный в свои раздумья, он не сразу заметил, что за ними следили люди. Они медленно и с опаской приблизились к нему, понимая, что и он их видит.

Так и состоялась эта встреча на земле, после нее и началось самое главное.

Глава 7 Явление

Они были удивлены, когда увидели, что незнакомец остановился около вчерашнего пепелища и что-то упорно разглядывал. Уж не колдун ли прослышал о пожарище и жреце? Им для дел их тайных и нужны были и прах и другие тайные вещи, которые простые смертные стараются обходить стороной, опасаясь, что они могут принести им вред.

Но что-то подсказывало им, что если он и чародей, то более могущественный, чем они могли бы подумать сначала, он не простого рода, не случайно, ради пустого интереса тут оказался. Все было таинственно и тревожно в тот момент. Они и решили с ним познакомиться поближе. А что если сами боги, видя, что у них больше нет князя, послали его, чтобы и жизнь в этом мире как-то наладилась. Они не могли знать, что и то, и другое было почти правдой, но им хотелось себя показать и ему приятное сделать. Так и произошло их первое знакомство. Чародей, посланец богов- таким и оказался перед ними пришелец, по-другому они к нему и не обращались более. И слухи даже у не видевших его прежде вызывали трепет. И остальные не пытались даже чинить князю каких-то препятствий. Славен и предположить не мог, что так легко и просто выйдет за пределы града своего, который еще и построить не мешало ему, а потом уж и князем его становиться.

А Марена заботилась о том, чтобы все Кикиморы и колдуньи верно ему служили. Он видел насколько хитры и коварны те, с кем его должна была столкнуть судьба, и он, помня о клятве, данной жрецу, должен был как-то выправлять их нравы, хотя скоро понял, что задачу для себя взял непосильную, и корил себя за то, что так торопился, все это им обещая с налету.

Они подчинились по неведомым причинам, но он кожей чувствовал противление, и стоило только в чем-то их ущемить, и все в один миг рухнет. И он старался разобраться в том, как это происходило, понимал, как опасно допустить какой-то промах.

Действовал в то время Славен с предельной осторожностью. И еще одно не могло не огорчить Славена- его подопечные за это время казались такими независимыми, что с ними никак нельзя было справиться. И он понимал, как трудно ему будет оборонять эту землю от врагов и соперников вечных.

Почти враждебными были его отношения с боговедами. Он никогда не мог простить им расправы над жрецом. А они не понимали, отчего князь на них так злится. А если его и послали боги, то это не Световид и не Перун, – про себя решил коварный жрец.

Это означало, что его можно было не особенно бояться, но ведь и другие вроде вовсе не замечали его. Они и наказывать его не собирались совсем. Он напрасно ломал голову,

не понимая, как ему следует поступить, что он должен сделать для того, чтобы улучшить пошатнувшиеся отношения.

Так постепенно вникая в происходящее и понимая, как много трудностей ждет его впереди, Славен понимал, что жизнь на земле так дика и страшна. Но при всем при том она кажется какой-то ничтожной. Они похожи на муравьев, которые копошатся, и ничего не могут и не хотят сделать существенного для того, чтобы все как-то переменялось. И он понимал, что ему придется стать только одним из них, пусть и предводителем, но только одним из многих.

После этого Славен какое-то время пребывал в унынии, невольно вспомнил о том, как гордо заявил он, что не попросится назад, негоже было от своего слова отказываться. Оставалось смириться и как-то устроиваться на земле. И уныние постепенно исчезло. И смерть – возможно, это и есть благо для них, как можно было знать это наверняка.

Через какой-то срок появился гонец от скифа. Он сообщил о том, что брат его нашел для себя земли, и люди, к нему присоединившиеся, признали его, потому что князь их был немощен, и им нужен был новый вождь. Но они и не подозревали, что выбрав его однажды, они никогда больше не смогут от него и от его потомков избавиться, и он погубит их народ рано или поздно. Пока они только радовались тому, что он дик, отважен. И о радости такой он и поспешил своего брата известить. И только Марена, все слышавшая, усмехнулась устало. Ей было точно известно, как все это завершит-

ся однажды – пусть он пока потешится, пусть для него будет праздник. Но она снова свой взор к старшему сыну обратила.

Не мог не следить за Славеном и Дажьбог. Он не понимал того, что на земле творится, но понимал, что если такое бы с ним случилось, то не смог бы он пережить всего этого спокойно. Но как же он был далек от всего, происходившего в то время в мире.

Ему повезло только в том, что за все грехи тяжкие его не столкнули на землю. Но зло сменилось радостью, Славена это не особенно волновало и раздражало.

№№№№№№№№

Сам Дажьбог злился в то время, сознавая, что тянется он всей душой к Марене, и Жива напрасно дожидалась его благосклонности. Но возлюбленная его отвергала его яростно, и не давала повода успокаиваться.

И впал обогревавший всех в уныние, да такое, какого никогда прежде с ним не бывало. Весь мир для него в те дни померк.

– Ты и слова не молвил за сыновей своих, – говорила она, – спокойно смотришь на то, как они страдают, чего же ты еще от меня хочешь?

Так спрашивала она его, когда он в очередной раз старался ее удержать. Но ничего ему не хотелось больше.

В те дни Марена и столкнулась с Перуном во время своего последнего объяснения с возлюбленным.

– Змея, – вспылил он, – что это ты так с богом общаешься?

Она так резко повернулась к нему, что ветер, похожий на ураган, побежал между ними.

– Я думала, что он мужчина, но даже в этом не убедилась, – оправдывалась она, не скрывая обиды, – а тебя я не боюсь, ты напрасно меня пугаешь. Я и с Зевом самим дружна была, а ты только мнишь себя громовержцем, чтобы над людишками измываться, но даже против богини ничего сделать не сможешь.

Перун молчал несколько минут, в это время его отвлекла какая-то подопечная, и он удалился с великой радостью. Потому, что точно знал, сколько всего из-за этой проклятой бабы происходить будет. Но всегда находился кто-то разумный, и беда незаметно отступала.

Глава 8 Верный друг

В то самое время в Славенске, а град именно так назывался, появился

Дубыня. Он уже слышал о князе и хотел одним глазком взглянуть на него, потому что ему было скучно в полном одиночестве тут. И когда узнал, то решил он послужить ему верой и правдой. А когда поговорил он со Славеном, тот ему еще больше понравился, и сделал его Славен своим воеводой, поручив ему дружину, которая и должна была стать самой сильной и лучшей в этом мире. И с каждым днем все более отважными становились те воины, равных им не было больше в этом мире.

– Повезло вам, что пока никто на вашу землю не напал, – говорил на пирукняжеском Дубыня, – но должны мы охранять то, чем володеем, а вот когда кровью своей польем мы ее, тогда она нашей и станет. И с радостью и гордостью смотрел князь на то, как на глазах под руководством Дубыни менялись воины его, совсем иными они становились. И стали они думать и гадать о том, как можно было сухими из всех грядущих сражений выйти, а было это совсем не так просто, как подумать можно было сначала.

Одно только смущало Славена – не ходил упорно Дубыня в храм, на это у него была какая-то своя причина, да не стал князь о том допытываться, пусть поступает, как знает. Но бе-

седа у них о вере все-таки состоялась немного позднее.

– Что-то Дубынюшка, не видел я тебя в храме нашем давно, – говорил князь, ласково улыбаясь.

– Так и тебя, княже, давно там не бывало, – произнес воин в ответ на слова такие.

Он все еще пристально смотрел на него, не понимая, почему князь с ним такую беседу завел.

Ничего пока не понимал он, и ждал напряженно развязки.

– Вот и я хотел, чтобы ты понял, что вера в душе быть должна, может и не так хороши наши боги, как того хочется, только без них еще хуже нам будет, это точно.

– А зачем ради нее живых людей изводить? – спрашивал его Дубыня, – разве они не пригодятся нам живыми?

Славен понимал, что и у него была какая-то история, связанная с жертвами и жертвоприношениями, но ничего больше о том говорить он не стал.

– Не богам это нужно, – вздохнул князь, а людям, для того, чтобы в повиновении их держать можно было.

Внимательно смотрел на князя своего воевода, казалось ему, что тот знал что-то большое и важное, и только начал говорить, но продолжать не собирался, вот в чем была беда, но как не с ней справиться можно было? – в от этого он понять никак не мог.

А Дубыня никак не мог забыть того случая, когда еще маленьким с братом своим он шел в чистом поле, и молния ударила да попала прямо в брата его. Но почему карающая

рука выбрала именно его, не мог понять этого воин, и когда мертвое тело на руках до дома нес, и думал о том, как он матушке об этом скажет, тогда все в душе его и перевернулось раз и навсегда. Он дал клятву мстить всем, кто будет потом особенно яростно за богов заступаться.

И человек, который убивал другого, пусть и по приказу князя, ради того, чтобы тем богам приятное сделать, становился для него первым врагом, против которого и готов он был сражаться до конца дней своих, и ничто бы его тогда не остановило.

Когда он поздно вечером вошел в собор, около которого сидели перепуганные жрецы, он затоптал огонь, приведя жреца в ярость.

Жрец был уверен в том, что он получил княжеский приказ так действовать.

– Ты хочешь моей гибели? – обратился жрец к воину, – ты с князем пируешь и сильнее меня, потому и решил свои силы показать?

Ему хотелось узнать главное, откуда у воина такая дерзость в душе появилась.

Но тот смотрел на раздавленные угли и молчал.

– Твой бог видел, кто сотворил это, вот и пусть не с тобой, а со мной расправится, – с вызов бросил ему воин.

Они прислушались к тому, что происходило, и к собственному удивлению ничего не услышали. Но появился Боговед, он яростно взглянул на жреца, и на воина, который вел се-

бя слишком смело, даже дерзко. Он должен быть приближен к князю, если ведет себя так.

– Это ты посмел к священному огню прикоснуться? – в ярости спросил тот, – решил, что уже пробил час расплаты.

– Да, – спокойно ответил Дубыня, я посмотрю, как завтра ты посмеешь принести меня в жертву.

– Наказан будет другой, – неожиданно произнес жрец, ему хотелось больше ударить дерзкого воина, который позволяет себе подобное.

– Да, наказан будет другой, я скажу князю, что ты не уследил за Световидовым огнем.

– Это ложь, и тебе известно это, – побагровел от ярости жрец, – и небесам это известно.

– Вот тогда боги и спасут тебя от наказания, им же не захочется с тобой расставаться. Ты много лет им верно служил, тебе нечего бояться. Вот меня молния прямо на площади и покарает, а ты останешься цел и невредим.

Боговед что-то хотел возразить, но воин уже повернулся к нему спиной, заявив, что именно так все и будет. Боговед побледнел, когда удалился без лишних слов к себе. Он забыл об огне.

Он столкнулся с явной ложью и не знал, как ему в этом случае поступить.

Ему хотелось обратиться к князю, но он был уверен в том, что князь ничего для него делать не станет. В душе его была какая-то тайна, ничего не изменится.

Вспомнился случай с поминальным костром. Он знал, что если князь и не посылал своего воина, то все равно бы он защитил ее. Он мог рассчитывать на своего Бога, но князь был значительно ближе. И тогда ему придется пойти на тот костер. И для многих это будет просто забавой, а для него смертью лютой и мучительной.

№№№№№№№№

Тем временем Дубыня вернулся в княжеские покои, он казался очень печальным. И Славен сразу понял, что он от него скрывает что-то важное. Князь ждал, он знал, что воин сам ему обо всем поведает.

– По твоему повелению я был нынче в храме, княже, и там наблюдал страшную картину – священный огонь снова погас. А охранял его сам Боговед, наверное, Боги больше не хотят быть с нами.

Князь все еще молча на него взирал. Он чувствовал, что богатырь в чем-то лжет ему. Но не хотелось разбираться с происходящим пока. Он понимал, что воевода угадал его желание и исполнит свою часть дела, но что оставалось ему?

– Боговеду известно, что нужно делать с теми, кто ослушался воли богов, – при этом он тяжело вздохнул. Ему снова придется возводить костер.

– Но если он не виновен, и я лишусь своего доблестного воина? – напряженно думал в тот момент Славен.

– Я часто искушал богов, – говорил между тем Дубыня, – вряд ли что-то такое теперь уже случится.

Князь видел, что его воин хитер и умен, лучшего помощника ему вряд ли отыскать.

Славен понимал, что он не просто мстит жрецу, но снова бросает вызов небесам, и богам своим, оказавшись на земле, он не собирается с ними считаться. И пусть Перун попробует вмешаться в то, что тут происходит с ними. Но пусть он защитит того, кто скорее всего ни в чем не виновен и так верно ему в то время служил.

Да и ему самому не в первый раз было рисковать. Он согласился со своим воином, и готов был бросить вызов небесам в очередной раз.

Глава 9 Расправа

Странным и тревожным было это утро. Люди узнали о том, что в капище снова погас огонь. А виноват в этом тот, кто так верно служил им – их верховный жрец.

Многие поутру, проходя мимо храма. Видели, что слагается кострище. Это из своих чертогов заметил и Боговед. Он понял, что воин выполнил свою угрозу, а он был бессилён этому противостоять, как не пытался что-то изменить. Он все яснее понимал с каждым часом, что боги его не спасут. Если они существуют, то им нет дела до сметных, как ни горько было сознавать, но это так.

И потом он пожалел о том, что не владеет никаким оружием и не может с ним расправиться, хотя это вряд ли поможет ему, тогда князь убьёт его своими руками. Но возможно все и не так страшно, как ему казалось. Но поздно что-то предпринимать. Он точно знал, что у него ничего не выйдет. Перед ним была гиена огненная. Они спрашивали друг друга о том, кто будет наказан в этот раз. Имя его произносили шепотом. Почти никто не верил в то, что это возможно. Но дружинники орудовали быстро. Они не собирались шутить.

Князь появился на площади перед храмом в тот момент, когда все было готово.

Взглянув на него, Боговед понял, что ему не стоит ждать

милости.

– Огонь погас, нас ждет гнев богов, – почти яростно говорил Славен, – но мы должны наказать того, кто навлек на нас такую беду, пусть не будет ему прощения. Он первым примет страдания.

Князь тоже поглядывал в небо и гадал о том, что боги как-то ответят на все, что совершалось. Его удивило даже то, что Велес так и не появился для того, чтобы побороться за справедливость.

И только Марена смотрела на происходящее. Она была удивлена жестокости Славена. Ему все было известно, но почему он не остановит этого? Если бы это был Скиф, она бы смогла понять. Она не жалела Старика, которому предстояло сгореть. Она никого никогда не жалела. Но он и сам становился другим из-за проклятого своего бунта, вот что пугало ее очень сильно.

Она не могла больше им гордиться, а это пугало. Если он в подлости и жестокости собрался с Перуном сравниться, то ничего хорошего из этого не выйдет.

Дубыня не верил в то, что придет возмездие. Он распорядился о том, чтобы получше зажгли костер, чтобы горел он как можно ярче.

Славен слышал, что на площади восстановилась странная тишина. Он понимал, что они не верят в то, что это исполнится.

Боговед был странно бледен, но спокоен. Все свежо было

в памяти, он ясно видел, как всходил на костер его предшественник – обычный жрец, а сам он не мог позориться перед ними. И он оглянулся и порадовался тому, что увидел скорее испуг на их лицах, никто не радовался тому, что совершалось.

Пусть они боятся того, что видели, как совершается дикая несправедливость.

И когда он посмотрел на Славена, то был уверен в том, что тот спорит с небесами, и не случайно жертвой был избран именно он.

И вдруг странное видения поплыло у него перед глазами, он видел совсем иное время и другой мир. И такой же костер, и жреца, бездыханное тело которого воины к нему подтащили, чтобы там оставить.

И другой князь, бесцветный и ничтожный, взирал на то, что там происходило. Никто не ново в этом мире, все странно повторяется.

NoNoNoNoNoNo

Неспокойно было и в Сварге. Перун посмотрел на Световида, а тот на самого Сварога. Но он не смотрел на них, был погружен в собственные помыслы и заблуждения.

Он хорошо знал сколько еще ему придется выдержать – это только первое звено той цепи, которая может оказаться бесконечной. Он решил отстраниться от происходящего.

– Позови мальчишку, – кажется, говорил Световид. – ему хотелось спасти их служителя, но он не знал, как это сделать

– Я не стану вмешиваться, – заявил Перун, – даже если весь мир рухнет, мненет до этого дела.

Если бы он немного поторопился. Но это было для них обоих только отговорками. Они тянули время, чтобы оказаться там и не сталкиваться с ними, и со смертным Славеном, это было недостойно его. Он не хотел иметь дела с тем, кто стал значительно ниже, чем они сами того хотели и желали.

NoNoNoNoNoNo

Славен оказался прав, боги не вмешивались в такие мелкие дела. Они не станут их останавливать. Кто-то услужливо подтолкнул старика к кострищу, и он шагнул в огонь, проклиная и мир, и богов, которым он так яростно и долго служил. Но он знал, что если существует тот мир, в котором и будет обитать его душа, он сможет там узнать почему они так с ним поступили. Он боялся толькотого, что в том мире он может увидеть души тех, кого он обрек на такую же смерть. Он этой мысли он поежился, понимая, что не сможет прямо взглянуть им в глаза. И через несколько минут пламя охватило его.

Костер горел так ярко, что муки его не были долгими. В этом ему повезло немного больше, сем многим из тех, кого убивал он сам. Страх не прошел и на этот раз. Люди не знали, во что им верить, в то ли, что богам до них нет никакого дела.

Но может быть их князь с богами за одно? И все совер-

шается по его воле, – спрашивали они сами себя, некоторые из них, самые проникательные, никак не находили ответа.

Славен первым повернул к дворцу. Он показал и Перуну и всем остальным, что на многое способен. Он его вызова принимать не стал.

Все расходились молча. Никому не хотелось вспоминать о случившемся.

Дубыня еще раз понял, что боги существуют и служат несправедливости. Но он видел, как пугаются его те, ради которых он возводил этот костер.

Власть – ради нее родимой он появился в Славенске и готов был служить князю верой и правдой.

Эти люди молчали, но и в молчании их было что-то злое и страшное. Но это его не пугало, а радовало. Ничего подобного он не достиг бы в своем поселке.

№№№№№№№№

Пробудившись среди ночи, князь подошел к пепелищу. Но он даже не сразу понял, куда и зачем направляется. И только когда почувствовал запах гари, тогда очнулся и понял, на каком месте он находится.

Но неужели проклятый старик станет тревожить меня? – спросил он у кого-то невиданного.

Молча побрел он назад. Еще недавно ему казалось, что он вершит справедливое возмездие. Но что произошло теперь. Почему он не может спокойно заснуть? Ему казалось, что Боги его не наказали, но вероятно, они его все-таки наказа-

ли, и не меньше жестоко, чем могло показаться.

Но он понял самое главное. Чем этот люд отличался от того. Здесь поражение оборачивалось победой, а победа — поражением.

Со многими вещами князь никак не мог сравниться.

Откуда-то налетел ветер. И пепел полетел куда-то дальше. Ему показалось, что часть этого пепла попала на него. И он боялся, что это останется на его теле навсегда. И тогда князь отправился на берег озера. В тот самый момент появилась луна, и стало так светло. Он смотрел вокруг и узнавал эти места, хотя на первый взгляд они и казались таинственными и новыми. И так прекрасна была умиротворенность его.

И понял князь Славен, что он должен благодарить богов за то, что сейчас здесь оказался.

Пройдет время, но останется луна, и будет прежним этот мир, прекрасный и ни с чем не сравнимый.

Глава 10 Испытание

Перун вовсе не собирался оставлять Славена в покое, особенно после того, когда Марена так с ним обошлась, хотя и появляться перед ним тоже не думал пока. Вредить ему он хотел изредка и незаметно, но так, чтобы он потерял покой, и с ужасом ждал новой его проделки. Надо признать, что между воинственным богом и первым славянским князем отношения были самими скверными.

Узнав о том, что у Славена появился могучий богатырь, он потребовал к себе Соловья-разбойника, и дав ценные указания, отправил его в Славенск. Соловью в те дни вовсе не хотелось покидать Сварг. Перун знал, что тот станет искать причину, для того, чтобы отговориться и остаться, потому он и произнес решительно:

– Что там за богатырь появился? Говорят, ты ему в подметки не годишься? – вопрошал он строго, и насмешка скользнула с его губ.

– Кто это тебе такого наговорил? Да щенок он, и если бы со мной столкнулся, и мокрого места бы от него не осталось, – встрепенулся Соловей, а Перун видел, как легко его можно одурачить.

– Это еще проверить надо, в первый раз ты что ли похваляешься, а что потом получится? Пустой звук, только воздух сотрясаешь, хотя бы с последним Змеем как ты опростово-

лосился? Забыл уже, да все остальные -то забыть не могут, от смеху умирают.

Перун наступил на большую мозоль Соловья, он подпрыгнул и завопил:

Дракон был какой-то ненормальный, но богатырь-то совсем не дракон, а человек. И нечего их сравнивать, а если один раз лопухнулся я, то ничего это не значит.

– Вот отправляйся и посмотри, что он за человек такой, – приказал ему

Громовержец, а потом и мне расскажешь про все про это, и смотри, снова не стань посмешищем для всего мира.

Соловей поздно понял, что он попался, но с Перуном при его хитрости и изворотливости и не трудно было. И ничего ему не оставалось, только туда

отправиться.

– Прощай, но ты еще про меня услышишь и не раз, и богатырь твой останется с носом, ничего у него не выйдет, если вообще жив останется, – пообещал он и нечего ему было больше делать.

Отправляясь на землю, соловей клял себя за то, что он погорячился, не стоило ему теперь там появляться. Он там терял значительную часть своей силы, а однажды и смерть свою найдет. Ничего почти не оставалось от нее, ничего не было в жизни его, и такая грусть тоска взяла его, когда он к земле приближался, но назад возвращаться было бесполезно.

Но ему следовало оправдаться за прошлое, а именно на это Соловей и рассчитывал.

Пролетел несколько кругов Соловей над Славенском. Давно он не бывал тут, и поразился тому, какой городище здесь отстроил князь новоиспеченный. Перун не напрасно его провоцировал, ему еще придется с ними в схватку вступить. Но ведь не с самим князем, а только с богатырем его, и не так уж много он стоит, – успокаивал себя разбойник.

Соловей нашел Избушку Яги, у нее он на время и решил остановиться, посмотреть со стороны на богатыря, подыскать девицу для развлечения. Если он зачем-то приходил на землю, то в первую очередь за этим. Хотелось ему этот мир Соловьятами заселить. И девицы здесь что надо, не какие-то столетние богини, которые им просто в подметки не годятся. Соловей старался забыть про то, что ни одна богиня и близко бы его не подпустила. И хотя он знал, что перед поединком не стоило особенно тратить свои силы на девиц разных, но если он такой долгий путь проделал, то как без них быть?

Отказывать себе в удовольствии он не собирался.

– И чего ты милоч пожаловал? – довольно бесцеремонно стала его допрашивать Яга.

– Да с Перуном поспорил, что одним махом богатыря Славенова одолею, – признался он, – старуха удивленно его разглядывала. Он решил все сказать, все равно выпытает.

– Спорить ты всегда горазд был, – насмешливо отметила она, и замолчала, словно прикидывала что-то.

– Что-то ты темнишь, бабка, что там еще за богатырь у них такой выискался? – перебил ее разбойник.

– Богатырь настоящий, если ты не видел, как он ловко Боговеда спалил, то ничего не видел и многое потерял, – отвечала она.

– А что это ты меня, Соловья, сравниваешь с каким-то старикашкой, получше никого не нашлось? – возмутился он, припоминая какое-то происшествие.

– Да не сравниваю я, гость ты мой непрощенный. Но ты должен знать, что он не только силен, но и хитер, и коварен, а за тобой я что-то ни того, ни другого не замечала, и не цыкай на меня, а послушай лучше старуху. Найди девчонку, а когда страстишки свои удовлетворишь, возвращайся назад и скажи, что богатыря ты отыскать не смог, что черти его утащили, – советовала она горячо.

– И не подумаю даже, – огрызнулся Соловей, – и что ты позоришь меня, и с грязью мешаешь? Я пойду к нему и буду сражаться, и проигрывать ему не собираюсь, – гордо заявил разбойник.

Он был уверен, что старуха хочет его позлить и не собирался ей поддаваться.

Но началось все как всегда с девицы, которая собирала грибы на полнее. Он не собирался ее упускать, а оттого, что она кричала и противилась, он распалился еще больше.

– Ну здесь ты герой, молодец, – говорила Яга, глядя на происходящее из окна своей избенки, посмотрим, как ты с богатырем-то справишься. Уж он никак не эту девицу не похож.

И она отправила Кикимору, чтобы та предупредила своего любимчика, а тот готовился к сече.

И Соловей проигрывал в основном, он уже не мог напасть неожиданно.

Богатырь знал о его происках, хотя он сам еще этого не ведал.

Глава 11 Явление врага

Соловей не только девицу себе поймал и развлекался с ней, но и для пущей радости решил и беды людишкам надделать. И стал он яростно уничтожать посевы на землях Славена. Вот тогда и появился перед ним богатырь, который и потребовал, чтобы он с ним в сражение пошел.

Соловей взглянул на него удивленно, и крикнул с вызовом яростным:

– Ни с кем из Вас, кроме Дубыни драться я не намерен, только если он ко мне пожалует, тогда мы и станем с ним сражаться не на жизнь, а на смерть..

Ничего не оставалось богатырю, как только передать эту просьбу Дубыне самому, и отправить его на поле брани. Пусть он сам и сражается с этим типом, если тому так хочется.

– Иди, убей его, а то останемся мы без всех посевов вовсе, и вместе со скотиной своей вымрем от голода.

Дубыня понимал, что настала для него пора показаться перед князем,, и перед разбойником отличиться. Он давно рвался в сражение, да пока биться было особенно не с кем. Он и отправился к тому месту, которое указано было. Но Соловей -разбойник уже успел разглядеть этого богатыря и понял, что просто так ему с ним не справиться, и тогда он решил пойти на хитрость великую, и девицу, уже успевшую

в него влюбиться, подговорил на это. Он выкопал яму на той дороге, по которой должен был двигаться Дубыня, хорошо ее замаскировал, и решил ему навстречу девицу свою и выпустить, чтобы она внимание его отвлекла.

И стояла она около самого края ямы той замаскированной. А сам он спрятался и стал упорно ждать, пока его коварный план осуществится.

Он был уверен, что Перун не заметит никакого подвоха и зачтет ему победу, принимая исчезновение Дубыни за чистую монету. Не слишком-то доверяя девице своей, он решил не посещать ее во все подробности дела, только сказал ей, что она должна будет ласково встретить под березкой богатыря, с которым ему сражаться потом предстоит. Пусть она его ждет, чтобы он не сбился с дороги да не забрел куда-то, вот и пусть дожидается.

– Он спокойно одолеет тебя, – говорила девица.

Но он ничего на это не ответил, хотя чуть не выдал себя в тот момент.

– Может он и силен, размышлял Соловей, но разве все сила решает?

А потом все и началось. Соловей со стороны посмотрел на все происходившее и решил, что ямы той заметить невозможно было, да и девица не должна была его подвести никак. Оставалось только богатыря по верному пути пустить.

Дубыня хотя и знал, что Соловья ему не трудно будет одолеть, но собирался на это сражение с ретивостью. В откры-

том бою всякое может случиться. Он и помыслить не мог о том, что бой может быть вовсе не таким, каким ему бы хотелось. И шел он, весело насвистывая песенку, и удивлялся своей веселой легкости.

Вокруг все дышало негой и красотой невиданной, ярко светило солнце, пели птицы, и он понимал, что он таким и останется, этот мир, даже если им однажды придется его покинуть.

Но пока умирать он не собирался, хотел защитить эту землю, убить чудовище, а князь пожалует ему лучшую из девиц.

И как только он об этом подумал, то увидел, что к нему и на самом деле выходит девица, и даже издали было заметно, что она очень даже ничего сама по себе. А возможно он не к Соловью идет, а на любовное свидание.

И в тот момент он как-то позабыл о том, что женщины приносят скорее несчастье, чем счастье. И он готов был на все, только чтобы девица увидела это сражение, возгордилась им и досталась бы она ему в жены. А в то, что она может его не полюбить, у него и мыслей таких совсем не было, уж если не его, то кого же, спросите любую девицу в Славенске, сколько слез они из-за него проливают. Разве только сам князь может с ним соперничать, другого не найдешь, сколько не ищи.

Но князь больно разборчив, и вряд ли хоть одна из них может надеяться на то, что он на ней остановит свой взор. А скоро появится княгиня, тогда он совсем в одиночестве

и останется.

С этими мыслями он и приблизился к невидимой яме и успел разглядеть, что вблизи девица оказалась еще краше, чем издалека ему казалась, но это и было то последнее, что он мог еще видеть. Полетел он в пропасть, хотя никак не мог понять, что такое с ним приключилось.

NoNoNoNoNoNo

Богатырь никак не мог знать о том, что произошло. А случилась очень простая вещь. И тут же подошедший Соловей все это подтвердил – он попал в западню, очень ловко для него расставленную. Никакого честного боя с таким соперником, как Соловей ждать ему не приходилось. Только такой простофиля, как Дубыня и мог ему доверять и ничего не ведал о тех ловушках, которые тот повсюду на пути своем расставил.

– Посидишь здесь, милоч, – говорил Соловей, а я пока своими делами с Варварой займусь, чтобы ты мне не мешал особенно, третий, как известно, лишний. И не пробуй вырваться, ничего у тебя не выйдет. А князь без тебя обойдется. По отдельности мне с вами справиться будет проще, – закончил разбойник свою победную речь.

Девица поняла, что Соловей только использовал ее в своей грязной игре, но противиться этому не стала, уж слишком он хитер и коварен. А если он поступит и с ней так же, как с богатырем, то некому за нее, горемычную будет и заступиться. И она вовсе не хотела оказаться в той самой яме,

рядом с богатырем, вряд ли он ей спасибо за это скажет. Уж лучше быть на воле с Соловьем, хотя какая это была воля. А тут еще Яга окаянная от нее не отступается, все твердит:

– Продалась ты ему задаром, а он улетит, и видали такого, а что ты потом нашему князю сказать сможешь? А он спросит, как ты его лучшего богатыря вместе с разбойником сгубила. Ты должна о себе подумать, а не помогать ему в темных его делишках. Он за тебя не заступится, и никто не заступится, – говорила она сердито. И кажется права была, да легко ей говорить. Сама то она как всегда, сухой из воды вышла, а за все это ей одной страдать придется.

Соловей и на самом деле вскоре исчез, как старуха и предупреждала. И поняла девица, что он может и вовсе не вернуться назад, и тогда ей точно и сладко придется. Она, пораскинув мозгами поняла, что Баба Яга иногда дельны советы дает, стоит ее послушать на этот раз. А Соловей тем временем спокойно в Сварге подходил ко дворцу Громовержца самого. И думал он только о том, как Перуну обо всем доложить можно

А тот, все видевший, все знавший, с неизменной своей усмешкой поджидал Соловья. Только он пытался понять, что же тот ему на все это ответит, как он расскажет о своем героическом сражении, в каком виде предстанет.

Соловей пытался узнать, что тут уже известно о подвигах его, но никто ему ничего толком сказать не мог. Тогда он решил быть кратким, намекнул на то, что извел богатыря,

как и требовалось. От него только мокрое место и осталось, даже след его простыл на земле славянской.

– Одни воспоминания, да и те забудутся скоро, но моя заслуга в том невелика, твой хваленный богатырь оказался неважнецким, заговорил он, прислушиваясь к тому, что Громовержец говорить будет. Перуну трудно было с ним спорить.

Ничего он в ответ ему не поведал. И решил пока оставить язвительные уколы он при себе.

– Хорошо, что он похваляться особенно не стал, хоть на это у него ума хватило.

– Может ты и с князем самим справишься? – Перун досадовал на то, что

Соловей оказался умнее, чем ему сначала показалось.

– Конечно справлюсь, затем я туда и отправился, только думаю, что с князем немного дольше возиться придется.

А про себя он подумал о том, что негоже было и князя в ту самую яму пихать, повторяться ему было совсем неинтересно.

Но с ним можно было сразиться каким-то иным способом. Мало ли чего еще может придумать Соловей.

Но не мог знать Соловей, что Марена слышала их разговор, слышала все от первого до последнего слова и готова была его растерзать. Она знала, что должна была позаботиться о том, чтобы сыночка своего ненаглядного предупредить, и самый хороший меч, и еще какую хитрость против ковар-

ного Соловья припасти.

А оружие это хранилось в специальной кладовой у Перуна. И была это особенная стрела, которая и могла пронзить его. После этого он и существовать бы перестал совсем.

Перун и сам собирался ею однажды воспользоваться, но не теперь, а позднее.

Пока он ему еще живым был необходим. Пока они говорили о делах, она пробралась в кладовую, предварительно усыпив змея, который ее и охранял, и как только она произнесла заклятие, дверь отворилась, стрела оказалась у нее в руке. Когда змей пробудился, он был уверен в том, что только на минутку закрыл глаза. Он порадовался тому, что никто этого не заметил. Замок висел на двери кладовой. Он не стал проверять его содержимое, полагая, что все осталось на своих местах. Именно это и было нужно Марене. С чистой совестью она отправилась на

Землю из Сварога. И Соловей и догадаться не смог бы никогда, какое оружие она против него припасла. Исчезновения Марены никто не заметил. Она уходила и приходила, когда хотела, и была легка, как птица, уследить за ней никто бы не смог, если бы и захотел.

Глава 12 Мать и сын

Марена знала, что сын ее занят одним – поисками богатыря. Он даже и не подозревает о том, что его самого ждет такая же опасность. Она пока решила не вмешиваться, но беду решила предотвратить как можно скорее.

Она появилась перед ним и сообщила, что его поджидает страшная беда.

– Только кажется, что Перун тебя в покое оставил, но на самом деле это совсем не так, – завила она.

Славен смотрел на нее и не мог понять, почему его мать так перепугана. Уж она точно была не из робкого десятка. Видно происходило что-то очень серьезное.

– Ты найдешь своего богатыря, но не он интересуется Перуна, а ты сам, вот и готовься к сражению. Но тебе его не одолеть, – вдруг выпалила она и взглянула на своего сына. Ей казалось, что ее слова его совсем не испугали, и она могла бы порадоваться, хотя что-то такое странное между ними происходило, необъяснимое.

– Не одолеть без чего? – спросил он сердито.

Он был уверен, что у нее есть какая-то тайна на этот случай.

– Не одолеть вот без этой стрелы, – быстро показала она на свой трофей, с таким трудом ей для него раздобытый, а с ним можешь смело в этот поединок выходить.

– Но если я выйду на поединок, то еще больше нашего Перуна разгневать смогу, – размышлял он о том, о чем она ему поведала.

– У тебя нет другого выхода, – говорила она, и Славен понимал, что мать его, как и всегда и на этот раз оказалась права.

№№№№№№

Как только исчезла Марена, тут же перед ними появилась какая-то незнакомая девица и сообщила, что ей известно где находится доблестный богатырь, она случайно видела, какая с ним приключилась беда.

Этот день был явно удачным, и князь понимал, что на этот раз ему повезло, как никогда раньше, потому он готов был одарить девицу. собрав своих воинов, вместе с ними и отправился он спасать своего богатыря из беды.

Варвара, увидев, как радуется князь, поняла, каков будет его гнев, если он узнает, кто заманил Дубыню в эту яму.

Но если бы ни она, то никто другой бы не спас его, а князь так добр, что он должен за нее потом перед богатырем заступиться.

Они подошли к тому месту, которое со стороны заметить было невозможно.

Там что-то копошилось, но стояла такая тишина, что в первый момент князь не поверил в то, что Дубыня до сих пор был там. Девица обомлела от ужаса. Если он помер, то вместо благодарности ее ждет смерть лютая. Ужас охватил

ее душу. Она молила небеса и богов подземного мира о том, чтобы он был жив.

Но когда немного разгребли листву и еловые ветки, то все сразу заметили, что он просто крепко спит, и даже не думал он о том, что спасение так близко.

NoNoNoNoNo

Но в последний момент Варвара испугалась еще сильнее. Пока они будили и извлекали Дубыню из ямы, она сбежала от них и спряталась в избушке Яги, чтобы никто не смог ее там обнаружить. Она больше всего боялась, что богатырь ее признает.

Но все закрутилось и завертелось, потому что из-под земли вырос или упал с ветки дерева Соловей, и он готов был расправиться с князем.

– Интересно, – потрянул он Варвару, – как это князь узнал место, куда я его богатыря упрятал? – спросил он пристально на нее глядя, знала об этом только ты и Яга, но я не верю в то, что она к нему с доносом на меня побежала, потому что у нее мозгов достаточно для того, чтобы сообразить почему этого делать не стоит, а ты последние видно растеряла.

Расплакалась Варвара от обиды и полного бессилия своего:

– Ты исчез и бросил меня на произвол судьбы, а что мне после этого делать оставалось? – жаловалась она, думаешь, князь бы меня помиловал? Но узнала я зато и другое, князь говорил, что матушка его была тут, и никакой ему Соловей

нестрашен больше.

Это было похоже на правду. А если Марена узнала, что им сражение предстоит, то она наверняка выкрала серебряную стрелу, которая и станет его последней, прощальной песней. Он это хорошо понимал. Он понимал, что самое разумное – не бороться с двумя богатырями, а покинуть эти места и оказаться от них как можно дальше. Он прекрасно знал, что бессилен против серебряной стрелы. Хоть в чем-то девица все-таки оказалась ему полезной. Он не собирался помирать так быстро и бесславно. И готов он был еще погулять в этом мире вольно и беззаботно. Именно на земле больше всего интересных событий и происходило в то время, в этом он не сомневался. И он знал, что всегда успеет побывать в Сварге, ему не к спеху это было в те самые времена.

Он понял, что еще раз опозорился, потому что скоро и Перун увидит

Дубыню живым и невредимым, и князь окажется нетронутым, а ему придется нарушить обещание и как-то из-за этого оправдываться. А делать этого Соловью совсем не хотелось. Он бежал, не оглядываясь, и ничто не могло его остановить в тот самый момент. Но надо было о собственной шкуре подумать в первую очередь, все остальное не имело никакого значения.

NoNoNoNoNo

Как назло Перун на этот раз сам вышел к нему навстречу. Ему не терпелось поиздеваться над Соловьем.

– Что, сражение уже закончилось? – спросил он его сердито, но не князя ли я видел совсем недавно живым и невредимым?

– Князя, – тяжело вздохнул Соловей, – я готов сражаться с мальчишкой и с князем твоим, но не с женщиной, с которой спал совсем недавно. Это она у тебя из-под носа серебряную стрелу увела и погибель мне заранее подготовила, – кричал он в ярости.

Перун был немного удивлен и приказал проверить свою кладовую, он хотел доказать Соловью, что это вымысел чистой воды, Соловей же хитрит и

выкручивается для того, чтобы не заниматься делом.

Но скоро он убедился в том, что стрела и на самом деле исчезла бесследно, вернее следы как раз к Марене и вели. Он решил о том не рассказывать Соловью, но он и сам к тому моменту бесследно исчез, только его и видели.

А Перуну осталось только думать о том, насколько пронизательна и коварна эта богиня и как легко ей удастся обвести вокруг пальца не только Соловья и

более мелких божков, но и его самого. Но в этом Громовержцу хотелось признаваться меньше всего. Он предпочел забыть эту историю раз и навсегда.

Ничего страшного не произошло, все остальные живы, и против нее есть управа.

NoNoNoNoNo

Видя, что Соловей так и не появился перед ним, Славен

спрятал до лучших времен свое грозное оружие и решил, что пока им не стоит пользоваться, пусть оно хранится в запасниках. Он так далеко, так надежно его спрятал, что ни одна живая душа не должна была его отыскать, а Соловей особенно – не обладал он такими способностями.

Но простить такого колдовства Славену и Морене Соловей не мог. И он только ждал момента, чтобы как-то им обоим отомстить.

Раз не мог он все это пропустить мимо ушей, и хотя Перун не стал над ним насмехаться, но он хорошо понимал, что рано или поздно это все-таки случится.

И единственное, чего ему хотелось, получить назад стрелу. Только после этого он мог как-то успокоиться.

Глава 13 Освобождение богатыря

Богатыря, спавшего на дне ямы, всем вместе наконец удалось разбудить. И он увидел, что сам князь его обнаружил там, и своими глазами зрит конфуз, в котором он оказался.

Он понимал, что придется все объяснить, но он понимал, что потерял должность воеводы, и это пугало его больше всего, хотелось остаться на дне этой проклятой ямы, хотя голод его просто душил. Но думал он только о том, как загладить свою вину и снова втереться ему в доверие. Он шел в сражение из-за князя, и не его вина, что хитрый Соловей его подло обманул и бросил в эту яму помирать.

А умельцы уже сплели веревку, он мог за нее ухватиться, и они стали его оттуда вытаскивать. И он порадовался тому, что спасение было так близко.

№№№№

И встал богатырь перед князем. Он немного обессилел от голода, но сконфужен был еще сильнее, и понимал, что надолго еще они будут помнить и потешаться станут над тем, как он оказался в проклятой этой яме.

Но князь и не замечал того, что с ним происходило в те минуты, он спросил вдруг:

– А где же та девица, которая спасла его?

– Какая еще девица? Кто мог знать, что я тут нахожусь? – насторожился

Дубыня. Он с горечью думал о том, что от позора ему еще не избавиться очень долго.

Сам он давно уже догадался, что это была за девица, но решил никому о том не рассказывать, потому что даже не Соловей, а та самая девица и толкнула его в яму – в том не было никакого сомнения больше. Не мог он сказать князю, что из-за простой бабы потерял разум и в яму угодил так просто, вот смеху-то будет.

Он знал, что она ничего ему не рассказала, и наверное, не признается, потому что ей и голову снесут. Все было улажено, хотя бы внешне. Девица исчезла, иначе бы ему еще хуже пришлось.

– Как только появится Варвара, я и женю тебя на ней, – усмехнулся князь, – она тебе под стать, и ее ты отблагодаришь за спасение, взяв в жены.

Дубыня и сам не прочь был жениться, но ему не хотелось брать в жены эту коварную девицу, хотя он понимал, что князю возражать не станет.

Но не только не стоило противиться, чтобы князя не злить, а тогда она наверняка сохранит тайну. Именно это ему и было необходимо в те дни.

Но он надеялся и на то, что в ближайшее время она все-таки не обнаружится, и ему ничего делать не придется.

Соловей Разбойник из этих мест сбежал навсегда, стрела оставалась у князя, а он не собирался жизни своей лишаться из-за этого.

Варвара узнала о побеге от Яги, и зарыдала так громко, что в городе слышно ее было. Она вовсе не хотела оставаться в избушке в лесу.

– Иди к нему, и напomini ему, что ты его спасла, когда он должен был с

Соловьем сразиться, ты его в той яме и упрятала от разбойника, от смерти позонной, вот и милость княжескую после этого возможно получишь.

– А если богатырь проговорится, расскажет всем, что я в яму его и заманила? -все еще сомневалась девица.

– Не бывать этому, не захочет он позора такого, иди и заставь его на себе жениться, потому как нет к тебя другого пути, нет и не будет.

И хотя Яга говорила о Дубыне, но размечталась Варвара и была она уверена в том, что речь о самом князе идет. И ей стало казаться, что невозможное возможно. Она начала верить в то, что и на самом деле сможет выйти замуж за князя и стать в одночасье настоящей княгиней. И так Варвара в это уверовала, что и приосанилась, и во всем ее облике что-то неуловимо-горделивое появилось.

Конечно, старуха немного посмеялась над ее мечтами, но ничего говорить не стала: « Все будет не совсем так, как тебе хочется, но почему пока об этом не помечтать? А если кто-то ей посодействует и самые ее невероятные мечты сбываются?.

Яга тоже следила внимательно за девицей, ей очень нра-

вилось чужие судьбу устраивать и чужие истории распутывать. Только этим она и жила в своей глухомани.

Она вышла проводить девицу, и на прощание проговорила:

– Когда станешь важной, не забывай о том, кто тебя спасал, кто помогал тебе во всем.

– Разве ты доживешь до тех времен? – искренне удивилась девица.

– Каждому свой век отмерян, кто-то и одной жизни не проживет, а кому-то и двух мало покажется, – размышляла она. Что-то зловещее послышалось Варваре в ее намеке.

Но она подумала, и решила не загадывать так далеко, осуществить надо было хотя бы то, что должно было случиться, а потом уж думать о других временах и о том, что с ними со всеми случиться тогда может.

Старуха еще долго смотрела ей в след, припоминая какие-то старые истории. Она шла, не оглядываясь.

– Каждому только свой срок отмерян, свое место в этом мире отведено. Но почему люди всегда хотят большего, чем могли бы унести – вот что было странным, совсем ей непонятным, почему так манит то, до чего им не добраться?

А высот достигают те, кто к ним и не стремился особенно, и ничего о том не помышлял даже, и не особенно труда стремились.

– Тебе не дойти до княгини, но кое-чего ты все-таки достигнешь, и даже большего, чем если бы тебя выбрал сам

князь, – подумала она, Яге было известно нечто, чего не знал еще ни один из героев драмы, которая только намечталась в этом странном мире.

NoNoNoNo

Ожидания Дубыни о том, что девица навсегда исчезла, не сбылись. Уже к вечеру того дня, когда было объявлено об освобождении и даже пир по этому поводу намечался, хотя он и просил князя его не устраивать, стало ясно, что Варвара нашлась.

– А это еще почему? Мой любимый воевода вернуться соизволил, а я не должен отметить этого? -спрашивал его князь, и не понять, радовался ли он или

только издевался над своим воином.

– Не с битвы я воротился, а из ямы едва выбрался, и нечего праздновать особенно, – проворчал он, – проклятый Соловей загнал меня туда без всякого

стыда за все свои подлости, – угрюмо отвечал ему богатырь, словно князь забыл о том, что с ним такое приключилось тогда

– Главное, что ты с нами, и пусть кто-то посмеет мне напомнить о том, что случилось с тобой, тогда его уже из ямы никто не достанет, и грозно сверкнул очами князь.

Это немного успокоило богатыря, но волнения клокотали по-прежнему в душе.

И хотя сказал это князь только ему одному, но кажется услышали все, кто при его дворе собрались в тот момент,

а там всегда было многолюдно.

Но радость его оказалась очень короткой. Появился один из дозорных, и сообщил, что девица его видеть желает. Она нагло уверяла, что князь будет рад ее появлению, а о богатыре и говорить нечего.

– Ну что же, зови девицу, – говорил в тот момент князь, и ни о чем не подозревавший Дубыня снова увидел перед собой Варвару.

Князь взглянул на нее почти ласково:

– Я рад тебя видеть девица-красавица, я даже приказал разыскать тебя, потому что хочу отдать тебя в мужа своего любимого воеводу, которого тыспасла недавно.

Он говорил это так поспешно, что ни девица, ни Дубыня, ни гости иопомниться не успели. И после этого пристально смотрел на них князь, непонимая, что это они все молчат.

Каждый молчал о своем. Дубыня не знал, что ему с девицей делать, стоит ли говорить, что она сначала толкнула его в яму, а потом из нее и спасла. Варвара радовалась тому, что ей ничего и предпринимать не надо, хотя она еще не осознала того, что замуж выходит не за князя, а только за воеводу его, и когда до нее это дойдет, то наступит страшное разочарование.

Она радовалась все еще, почему-то думая, что князь искал ее, чтобы самому на ней и жениться – во все времена, каждый слышал только то, что ему слышать и хотелось.

Варвара пока еще была уверена в том, что мечта ее сбы-

лась, а потом уже поздно было даже попытаться что-то предпринять. И князь усмехнулся, он радовался тому, что сделал доброе дело.

Улыбка Дубыни казалась какой-то жалкой. Он знал, что у него не осталось никакого выбора. Он не мог противиться князю. И тогда не видать ему двора

княжеского и придется становиться странником, а проще и вовсе бродягой. А ради того, чтобы со Славеном оставаться, он и на Кикиморе готов был жениться. Готов, но как было бы замечательно, если бы этого не случилось.

Она вроде радуется. Тогда он еще не ведал, что и в этом ошибся, Варвара, хотя и продолжала еще улыбаться, но до нее уже дошел смысл княжеских слов.

Она уже знала, что отдадут ее в руки все того же парня, вокруг которого и Соловей и князь носились, а он что-то не особенно рад такому повороту дела, да и понятно, чему ему так радоваться?

Но он не только не станет князем, а еще и ее попрекать будет всю жизнь за те ошибки, которые она насвершила в свое время, и надо сказать, что у него для этого были свои веские причины.

Но Варвара без слов подчинилась этому решению, потому что тут же решила, что если не княгиней, то наложницей она станет в ближайшее время. И этим она и старалась себя хоть как-то утешить.

Ведьма оказалась права в главном – все было не так, как ей

того хотелось, но замуж странная девица в тот вечер все-таки вышла. И князь был так близко, как со многими смертными потом не бывал.

Глава 14 На пиру

Тут же освободили место для Варвары рядом с ее суженым, и она скромно отпустила глаза, полагая, что не стоит пока показывать своего недовольства, итого, что она и сама была так в том заинтересована.

Она поднесла к губам ковш с пивом сладким и стала раздумывать о том, что делать, как быть дальше. Надо было как-то свою жизнь с ним строить.

– Я должен от нее избавиться, – с грустью размышлял в тот момент Дубыня, жена может быть всякой, но я не хочу такую жену.

Но пока он ничего придумать не мог, и понимал, что должно пройти какое-то время, пока если не забудется, то притупится память о последних событиях, связанных с Варварой и ее позорным провалом в яму. Мысль о том, что они отправятся вместе в постель казалась ему просто невыносимой. Даже если эта девица и любила его, и тогда это не имело большого значения. Он понимал, что с ней останется только на очень короткий срок.

Дубыня хватался за последнюю соломинку, но ему казалось, что она обламывается и все рушится тут же.

И она, видя, как суров богатырь, поняла, что произойдет, если князю захочется с нею побыть вдруг. В том, что он не собирался на ней жениться не было никакого сомне-

ния, но почему он должен отказывать себе в стремлении развлечься с женой своего воеводы, если она и сама готова ему на шею броситься?

Он уже готов был после всех раздумий бросить и князя и ту, которая стала его женой. И порывался Дубыня подняться из-за стола и сказать обо всем, но в

последний момент наступило просветление, он решил не делать этого. Утром надо решить, что и как будет у него дальше.

— А надо ли ему рассказывать о том, что она была связана как-то с Соловьем?

Но он пришел к выводу, что это не поможет, станет только хуже.

Князь хитер и проницателен, он поймет, что тот только ищет предлог для того, чтобы отделаться от девицы, отказаться от княжеской милости.

Он понимал, что пьян от горя, а потому очень плохо сообщает, и заставил себя не думать ни о каком решении. Возможно, все решится само собой, и жена его исчезнет так же быстро, как и появилась.

NoNoNoNoNo

Пир завершился. Не взглянув на невесту свою, слова ей доброго не сказав, отправился он в свои покои. Но она даже и не заметила этого жеста, а смотрела все время в сторону князя. И князь резко поднялся и пошел прочь, а перед этим приказал своим служанкам отвести Варвару в отведен-

ные комнаты и смотреть, чтобы девица ни в чем не нуждалась – вот тебе и милость княжеская.

Она не сомневалась, что в эту ночь спать будет скорее всего в одиночестве, но ведь оставалась надежда на лучшее.

До рассвета ходила она по огромной комнате, и уже не князя ждала, а того, кто мужем ее стал, он-то должен был тут появиться обязательно, но нет, не было его тут. Она оставалась во дворце княжеском и это значило, что в один прекрасный день дверь может распахнуться и появится он – ее глупый муж, и поймет какой он подарок бесценный получил.

Она взглянула в оконце. Странно алой почти кровавой казалась утренняя заря. И ей показалось, что это кровь из ее израненной души пролилась на небеса.

Но ничего не могла она а больше изменить в странной, такой непредсказуемой жизни своей.. Она пыталась понять только одно- что она обрела, что потеряла в этом мире. Она понимала, что должна быть осторожной и видела, как на нее глядели слуги, жены дружинников. Многие хотели быть на ее месте, потому она и решила не подавать вида, а жить в свое удовольствие с воином или без него – в том не было большой разницы. Она в княжеском дворце, у нее так много всего еще впереди.

Заснула она на рассвете, решив не грустить, а просто жить и радоваться жизни. Кровать казалась слишком широкой, но в остальном она была такой мягкой и удобной.

Она уже знала, что будет яростно сражаться за свое место

в княжеском дворце, она не отступит ни за что на свете.

Что воевода, она за черта рогатого вышла бы замуж, чтобы получить все это, и получит, обязательно получит.

А потом ей снился Соловей, и она вспоминала жаркие ночи, с ним проведенные. Она видела во сне, что он вернулся и снова решил ее похитить из княжеского дворца. Он яростно свистел и кричал:

– Разве здесь твое место, ты должна отправиться со мной, а если останешься, и князь, и Дубыня узнают, кто ты такая, они сами прогонят тебя. И она стала умолять его, чтобы он никому и ничего не рассказывал больше. Она рыдала, но он даже и слышать ничего не желал.

Смеялся Соловей и свистел все громче и громче.

Варвара проснулась в слезах и весь день никак не могла забыть этот странный сон. Она удивилась тому, что за это время никто о ней даже и не вспомнил, хотя накануне еще все были так внимательны и ласковы с ней. Но она понимала, что остается только ждать их появления.

Дубыня пришел к ней только вечером, уставившись на нее, мрачно спросил:

– Зачем это ты тут появилась?

– Где же мне еще быть, если сам князь велел мне на пир прийти?

Он не понимал, серьезно ли она говорит или просто над ним издевается. Он никак не мог понять странную девицу, и ему не хотелось разбираться в ее

чувствах.

– Я не хотел на тебе жениться, – только и сказал воин.

– Да и мне этого не особенно хотелось, – отвечала она дерзко, только не могла я князя послушаться, а ты только со мной храбр, а что ему -то о том не сказал.

Богатырь злился, понимая, что она права.

– Я тебя предупредил, потом на меня не обижайся, – только и сказал он как-то неопределенно.

И кротко взглянула на него в тот момент Варвара. Но он уже знал, как лжива она может быть. Жизнь его все больше осложнялась, и он не чувствовал себя хозяином даже в собственной судьбе.

Угадала ли она его мысли или все знала наперед, как сказать, только пропасть между ними становилась все больше.

Глава 15 Наказание за счастье

Князю очень хотелось, чтобы он женился на этой девушке, и богатырь понимал, что он не сможет отказать своему князю. И хорошо, что ему досталась эта девица, а не какая-то Кикимора, ведь и тогда ему пришлось бы подчиниться и изображать радость. Но каких же усилий это ему стоило.

Князь распорядился о пире, словно это была его свадьба, а воин старался ни о чем не думать, понимая, что чем меньше ему известно, тем лучше для него.

И хотя невеста была замкнута, а жених угрюм, но свадьба для остальных -повод хорошенько повеселиться, и никто не собирался отказываться от праздника, от них-то ничего и не требовалось.

Странное волнение высказала только одна Марена. Она спрашивала себя и остальных, для чего ему понадобилось насилие, ведь рано или поздно наступит расплата для самого князя. Судьба богатыря ее мало волновала.

Но уже варилось питье, не было счета забитым для свадьбы животным. И с этим действием могла спорить только свадьба самого князя Славена, если она состоится, но пока никто ничего не слышал о том, что князь собирается жениться.

Но многие и радовались тому, что не стали его избранниками.

А когда началась свадьба богатыря, сам князь объявил их мужем и женой. Он понимал, что творил и хотел, чтобы все гости в том тоже убедились. Но застал он всех врасплох, и это начинало злить его.

– Они будут счастливы, даже если пока не понимаю этого, – размышлял он, словно все это и на самом деле было в его власти.

Марена хотела вмешаться и остановить этот пир, считая, что так она сможет избавить этот мир от того позора и насилия, которое показывал ее сны. Но в последний момент она все-таки остановилась. И пугало ее Лада и все, кто были с нею заодно тогда.

Она понимала, что ее сын упрям, ничего у нее не получится, всем станет только хуже.

Богатырь обречен на страдания, но такова его доля, она не могла ничего сделать. Князю не нравилось то, что его воины пили много, он понимал, что это могло привести к беде.

И только когда все разошлись, князь решил поговорить с Дубыней:

– Ты напрасно хмуришься, воевода, наслушался сказок о любви и ждешь непонятно чего, а жизнь между тем проходит. Но радуйся, что нет у тебя любви, после пожара остается только зола, а я не хочу, чтобы ты носился с какой-то девицей, забывая о главном. Кто тогда нашу землю защищать станет?

Богатырь понял, для чего нужна была ему эта свадьба,

и порадовался тому, что князь с ним откровенен.

Князь думал о себе в первую очередь, ему надо было навсегда утвердиться в этом мире, ему было труднее, чем другим.

NoNoNoNo

Молодые удалились в свои покои, ушел и князь, но гуляние продолжалось до рассвета, хотя все теперь было и свободнее и веселее, чем прежде.

Князь радовался тому, что его власть так велика. И радость эта охватила его душу. Он показывал, кому и с кем оставаться, как жить дальше.

Он и не подозревал о том, что женщине, которую он приблизил ко двору, хочется значительно большего. Она спокойно шагнула бы в его спальню, ни о чем не задумываясь. Но о том думать ему не особенно хотелось. Он ушел и даже не взглянул на тех, чью судьбу ему удалось так просто решить одним махом.

– Ты не должен был с ним так поступать, – услышал он голос Марены, как только за ним плотно закрылась дверь и она появилась перед ним, словно

привидение. Многие бы испугались, но он был не из их числа. Он смотрел спокойно и насмешливо.

– Я знаю, что мне нужно для дела, – не сдавался он.

– Но ты не должен был с ним так поступать, зло возвращается, и оно вернется к тебе.

– Возможно, но пока я считаю, что я прав, ни ты, ни сам

Перун меня не смогут переубедить.

– Не стоит так волноваться, – услышал он голос рядом.

И она не шутила.

– Чем же они смогут мне отомстить? – он был почти уверен в том, что это случится, но ему хотелось знать больше.

Ответ прозвучал неожиданно:

– Любовью, – говорила она задумчиво и даже сама удивилась сказанному, так странно слова ее в тот момент прозвучали.

– Вот как, ты думаешь, что я способен кого-то любить?

И снова странное молчание.

Она взглянула, и в улыбке ее было что-то зловещее. Она могла рассказать ему обо всем, но не хотела этого делать, а только пояснила:

– Ты испытываешь все то, отчего так легко отказываешься.

Ничего князь не ответил на это, хотя и был уверен в том, что она может ошибаться. Женщины и даже богини могут многое придумывать, но с этим он справится, можно не сомневаться.

Глава 16 Встреча

Отшумела и почти забылась странная свадьба любимого княжеского богатыря. И многие стали поговаривать о том, что необходимо и самого князя женить. Но на это особенных надежд не возлагали. И только Марена думала по другому, и решила о сыне своем позаботиться.

Славен тем временем обустроивал град свой и полностью ушел в это дело. Он появлялся в разных местах, беседовал с мастерами и рисовал им, как должно все в мире его выглядеть.

Тогда, оказавшись на краю города около строившихся домов он и заметил девушку странно запомнившуюся ему, словно она была первой и единственной тут.

Девушка стояла в толпе, когда он поднялся по лестнице к стене храма. Он обернулся и только ее одну и увидел. И она смотрела только на красавца-князя.

Она улыбнулась, и все остальное перестало существовать. Но и другие девицы были уверены в том, сто князь смотрел на них и им улыбался.

Анфиса ощутила странную радость, которую никак не могла одолеть в своей душе. Она уже верила в то, что никто никогда не сможет у нее князя отнять. Она это таила от всех, но многие заметили, как изменилась девица – сама на себя больше не была она похожа вовсе.

Иногда она со страхом думала о том, что князь может исчезнуть из ее жизни, тогда все и обрушится. Но она убеждала себя в том, что никогда этого не случится.

И Славен никак не мог забыть девушку в толпе. Он почувствовал, что и не хочет избавляться от этого наваждения. Он вспомнил о том, что ему говорила Марена во сне, и еще раз поразился ее змеиной мудрости. Он знал, что не избавиться от ее преследований и пророчеств. Он верил в то, что встретит девушку снова, раз она однажды в его жизни появилась.

NoNoNoNoNo

Она появилась, когда он позвал Марену. Он казался угрюмым и замкнутым, но она только усмехнулась, взирая на него.

– Тебе ведомо, зачем я звал тебя, – буркнул он.

– Ты хочешь снова увидеть Анфису, но сначала подумай хорошенько.

Он молчал, не понимая, что на это сказать можно.

– Я хочу видеть ее, чтобы не случилось потом.

– Если люди для тебя только игрушки, то есть еще и боги, – говорила она.

Но и на это ничего не ответил ей Славен, он упрямо стоял на своем.

– Хорошо, только потом не смей меня ни в чем упрекать, не говори, что без меня этого бы не случилось. Я помогу тебе, только за все, что случится, отвечать будешь сам после.

С этими словами она исчезла. Князь успокоился, она ни-

когда ничего не обещала просто так.

NoNoNoNoNo

Соловей много знал, обо всем ведал, он скоро предстал перед Перуном. Он и сообщил Громовержцу о том, что Славен влюблен в девицу какую-то странную

и потеряет голову. Этому они должны помешать.

Перун и сам в том не сомневался, тогда он и отправил к Морскому Царю.

– Иди, и напомни, что за ним должок. Он вместе с водяными и русалками должен забрать к себе невесту князя. Ему достанется та, которая никогда не нужна будет, но только та станет его женой, которую мы ему найдем.

– Вот и славно, – произнес Соловей и свистнул при этом по богатырски.

Перун утверждался и собирался оставаться Властелином в этом мире. Никто в тот момент не стал бы с ним спорить. А он ощутил, какой приятной может быть месть.

Так, еще не успев встретиться с той, которую он любил без памяти, богатырь уже должен был с ней расстаться. Это уже было определено его противниками.

NoNoNoNoNoNo

Но пока ничего о том не ведая, князь отправился вечером на игрища, зная, что там он с девицей и встретится. Все оказалось даже проще, чем мог он подумать.

И в блеске костра он снова увидел в веселой толпе молодых Анфису. Он заметил, что они притихли, когда он по-

явился среди них и остановился перед огнем, но потом они зашумели еще больше.

Многим нравилось, что князь как равный среди равных предавался забавам с ними. Им всегда хотелось возвыситься до него хотя бы на этот вечер. Хотя самые разумные знали, что он единственный, и они не могут с ним равняться.

Он приблизился к той, ради которой тут появился. И она потянулась к нему и оставила всех остальных в то же мгновение. И ей завидовали все остальные, понимая с первого взгляда, что она его избранница. Но у остальных рухнули все надежды.

Оставалась только зависть и злость, и вовсе не все желали этим двоим счастья, скорее наоборот. Она переберется в княжеские хоромы, а это несправедливо, потому что она вовсе не была самой лучшей. Ее отец, недавно погибший, даже воеводой княжеским не был и она не имеет никакого права. Но все было в его власти. И спорить со Славеном никто бы не решился.

Глава 17 В чаще леса

Вместе с избранницей своей отправился Славен на берег реки, туда, откуда едва слышны были голоса тех, кто веселился на берегу реки, а костер почти не был виден с той стороны. И заморожено он на нее взирал, а она только тихо улыбалась в ответ.

– Почему ты выбрал меня? – спросила девица, чем же я отличаюсь от остальных?

– Я видел тебя прежде, и сердцем понял, что мне нужна ты одна, – говорил он задумчиво, и если кому-то суждено быть рядом со мной, так это тебе.

– Но мой отец, – говорила она задумчиво, не был ровней тебе

– Я князь, и будет так, как я того хочу, – отвечал он. Я всегда поступал так, как хотел, и если богов никогда не боялся, то люди мне не страшны.

Говорил он твердо, а смотрел ласково, но властно.

– Хорошо, коли так, я не могла и мыслить, что ты будешь рядом со мной.

Она была счастлива, окрылена и была уверена в том, что может взять и полететь

№№№№

А тем временем Соловей уже стоял перед Царем Морским, он давно считал себя вестником Перуна самого, и на-

помнил ему о том, что у него есть долг перед Громовержцем.

– И что он желает? – только и спросил Царь Морской, ему не нравилось, когда напоминали о подобном, но хотелось от всего разом избавиться, особенно от своих долгов.

– Забери к себе избранницу князя Славена, он слишком много мнит о себе.

Он смотрел пристально и усмехался сквозь зубы

– Я не хочу этого, русалки говорят, что он любит ее, – возмутился царь. Из-за бесхребетности Дажьбога они должны теперь перед Перуном плясать, а тот только и рад приказы свои раздавать.

– Мне так и сказать ему, что ты не хочешь делать этого? – поинтересовался Соловей.

– Не дергайся, я исполню это.

Но он даже не пытался скрыть досады, охватившей душу его. Он знал, что

Соловей все передаст Перуну, может, еще чего и сочинит.

Потом эти двое были приговорены, едва встретившись, они должны был расстаться навсегда.

Но князь, обнимая Анфису, ни о чем еще не догадывался.

Предупреждения

Морены он слышал только наполовину, и думал только об этом дне, а ни о каком другом, а это и грозило ему бедой.

– Ты не должна возвращаться домой, пошли во дворец, – говорил он, когда они поднялись с травы высокой.

Она ждала этих слов, и бросилась ему на шею. Князь толь-

ко усмехался, обнимая ее крепко.

– Я приду, когда ты захочешь, но пока должна домой вернуться, – на прощание говорила девица. Я всегда буду с тобой, чтобы не случилось.

– Ничто не помешает стать тебе княгиней. Он был могуч и недосягаем, хотя бунт его наказуем быть может. Но он не был бы Славеном, если бы подобно

Дажьбогу покорился Перуну. По дороге он встретил Дубыню и вспомнил, как недавно убеждал богатыря в том, что жениться надо без любви. Но все переменялось, воин понял, что с князем что-то случилось.

Тогда князь и объявил о свадебном пире, все сходилось. Он ни о чем не стал спрашивать особенно, зная, как ему это не нравится. Он знал, что князь не забыл о его конфузе с Соловьем, и напомнит ему, если что-то случится такое.

В этот самый памятный день Леший, у которого было дурное настроение – князь отнесся к нему без всякого почтения, когда вторгся в его владения с

девицей, и словно о нем и не помнил совсем, напомнил Водяному того самого лесного озера с кем скоро ему придется расправиться. Он подслушал все, о чем говорил Соловей, и знал, что грядущий день будет праздником Купалы, и уж никто не уйдет не искупавшись назад. Надо с ними познакомиться поближе.

Леший вовсе не был праведником, всякое в долгой жизни его случалось, и к нему чаще всего приходили влюбленные

девицы с парнями, и в лесу его разное

случалось. Они уединялись в укромном местечке и наслаждались луной, молодостью, друг другом, но подарочек ему всегда оставляли, словно теплое говорили, относились с почетом, помня разные истории о его проделках и шутках.

Он был уверен, что Леший ему не брат, и не собирался мириться с тем, что тут творилось.

Так не ведая ни о чем, влюбленный Славен получил еще одного врага. И такова была его горькая доля. Он и представить себе не мог, на что способны боги и божки, когда они все объединятся, против него пойдут.

Но ни о чем подобном он не думал и не подозревал, в те минуты он ликовал в ожидании праздника и своей любимой. И немного только печалился о Дубыне, которому ничего такого испытать не выпадет никогда.

Марена появилась перед ним, чтобы еще раз на него взглянуть. Это был тот редкий случай, когда она могла его видеть.

– Как он счастлив и доволен жизнью, бедняга, – думала она в те минуты.

Она знала, как быстро все это закончится для него, все улетит, как легкий дым и никогда не вернется. Но она молчала, потому что ничего не могла изменить в его судьбе. Она перестала перед ним появляться в те дни. Ее помощи не требовалось, он все решит для себя сам. Пусть немного порадуется жизни, скоро это будет уже невозможно.

Глава 18 Объяснение в любви

На следующий вечер князь спешил туда, на лесную поляну, где горели особенно ярко костры и начинались пляски. Теперь его там с нетерпением ждали многие и гадали придет он или нет. Девицы были уверены, что он обманул Анфису и больше не появится. Но то, что она с ним эту ночь провела, это было уже огромной радостью, у многих и такого никогда не будет. Но Анфиса точно знала, что он придет к ней живой или мертвый, ни на какую другую смотреть не станет.

Она не понимала, почему сжималось сердце, если она была так в Славене уверена. А рассудила она очень просто — так счастлива, что боится всего на свете.

И боролись в душе ее великая радость и великая боль.

Князь появился в назначенный час. Он был прекраснее всех, и одеяние его ни с каким другим не сравнится никогда. И она, как не старалась, не могла от него глаз отвести, боялась, что это сон, который скоро кончится. Они на этот раз еще быстрее ускользнули от всех. И девицы не скрывали своего разочарования и раздражения. Анфисе можно было только позавидовать. Но возможно их злоба, соединившись в облако темное, а то и черную тучу, стала тем ужасом, который и окружил влюбленных. И гроза уже была слышна где-то поблизости.

Князь заметил грусть в ее глазах и очень удивился.

– О чем ты можешь печалиться? – спрашивал он.

Ему не хотелось, чтобы она была в таком дурном расположении духа.

– Нельзя любить так сильно, возлюбленных забирают.

Славен глухо рассмеялся, этот смех показался ей таким странным, тогда он попытался объяснить то, чего объяснить никак нельзя было:

– Не бойся, меня они точно туда не заберут.

– Как ты можешь знать такое? – немного успокоившись, спрашивала она.

– Я знаю, и останусь с тобой. Я им не нужен, это точно.

– Но мы смертны, и нам придется расстаться, – не сдавалась она

Он вспомнил, что главным его наказанием и стало то, что он был смертным теперь.

– Но ведь это случится не так скоро, – упрямо говорил Славен.

Она уже обнимала его так нежно, что все скверное тут же позабылось. Не стоило загадывать о том далеком, а то жизнь покажется совсем уж странно и несносной.

В тот миг ушла луна из-за туч, они могли ясно видеть друг друга.. Он думал о том, что это колдовство, от которого не избавиться никак. И как жалок и глуп был тот, кто верил, что любовь ничего не значит. Он обманул Дубыню, хотя и не хотел этого. И хорошо, если он не доживет до любви и не узнает, насколько князь его обманул. Но раскаяния его

были недолгими. Все помыслы успели исчезнуть, он не думал о том больше.

И вдруг в миг, когда блаженство охватило их тела, Анфиса рассмеялась неожиданно и сказала, что завтра праздник Купалы, они должны первыми до всех остальных пробраться к тому озеру и непременно вместе искупаться, а потом и предадутся страсти снова. И она должна отыскать заветный цветок и не успокоится, пока не найдет его.

Князь согласился на все, он уже погрузился в сон, и чувствовал себя любимым и счастливым. Ему снился тот диковинный цветок, о котором она говорила.

№№№№№

Варвара, узнав от своего мужа, что появилась какая-то незнакомка, и князь все ночи с ней проводит, никак не могла успокоиться. А когда она услышала о свадебном пире, она побледнела так, что только тьма могла скрыть ее истинные мысли. Но Дубыня был простоват и ни о чем не догадывался. Она дала клятву, и он верил в то, что она не посмеет ее нарушить. А она особенно любила жизнь и вряд ли хотела умереть так просто. Но она хотела только одного – расправиться с девицей,

– Он мой, он только мой, – твердила баба несчастная, пока ее муж крепко спал. Он знал, что пир должен будет организовать он, и надо было набраться сил.

Князь будет им доволен, и он для этого сделает все, что можно.

С восторгом ждала Анфиса в доме своем завтрашнего дня. И все случилось накануне Купалы. Самые добрые чувства были связаны у нее с праздником этим. Он должен был принести ей счастье. Но в тот момент, когда она задремала, появилась матушка. Она стояла перед ней и усмехалась

– Почему ты молчишь? – спрашивала ее удивленно Анфиса, и сама испугалась своего голоса.

Она приблизилась к ней так, что казалось могла коснуться ее. Но в тот момент она и пробудилась. Еще большая тревога охватила ее душу. День, хотя и проходил в заботах и хлопотах, но тянулся очень долго. Она все время останавливалась. Стояла теплая и ясная погода. Вечером можно будет искупаться в озере. Она с детства его очень любила. И хотя одной в чащу леса идти было жутковато, но она потеряла страх в последнее время, и так хотелось подумать немного обо всем. В таких прогулках на закате была особенная прелесть. Сюда ей хотелось привести князя. Он был тем единственным созданием, которому она хотела озеро свое показать.

День наконец подошел к концу. Она одной из первых появилась на полянке, на которой оставались пока только костровые. И они собирали огромные костры. Они видно могли достать до самых небес.

Постепенно стали собираться и другие люди. И хотя они не могли быть так счастливы, как она, но радовались проис-

ходящему, они были уверены в том, что в такой день совершится какое-то чудо. Обязательно появятся русалки, и они увидят их пляски, от которых меняется все в природе, боги спустятся с небес, чтобы с ними от души повеселиться. Только здесь может быть так шумно и весело, а не там. И они могли только надеяться на лучшее.

– А что если нынче и случится такое чудо? -спрашивали они друг друга, уверенные, что станут свидетелями чего-то необычного.

Глава 19 Купальская ночь

– Это произойдет нынче, – решил и Царь морской.

Ему хотелось поскорее с этим закончить, заплатить свои долги и забыть о том, что творить пришлось. Они запомнят этот праздник до конца дней своих и потом страшные сказки о нем сочинять станут, – так думал он тогда.

Он понимал, что Перун очень могущественен, но он не станет ему подчиняться. Он и теперь был дальше иных богов от него, мог улизнуть в своиморя бескрайние, а хотел еще большей свободы. Да и был он старше и могущественнее Перуна, это всем известно.

Он пошел проведать своих Водяных. И те догадывались, что властелин их что-то задумал. Они понимали- не стоит противиться, но и действовать никому из них не хотелось, лучше уйти на дно, если удастся на такое пойти. Но это вряд ли, вот в чем беда.

И неладное почуял Водяной лесного озера. Ему и на этот раз повезло меньше, чем остальным, многие стали о том догадываться.

– Я исполню все, – не скрывал он раздражения.

– Надеюсь на это, – грозно заявил Царь Морской. – иначе большая буря случится, многие пострадать могут.

Он надеялся на него и верил в благополучный исход.

№№№№№№

Князь Славен собирался в тот момент на свидание, и дал себе слово отыскать для Анфисы тот самый цветок, пусть она верит в их счастливую жизнь, в расположение к ним богов. Она рядом с ним должна стать спокойной и веселой особой.

Но он надеялся на то, что если даже цветок и не найдется, то мать его сама заставит цвести. И гордостью переполнилось сердце его при этом.

День был особенный. Таким он и запомнится князю Славену. И только то, что перед уходом он столкнулся с Варварой, так на него подействовало. Он увидел в глазах ее не просто злобу, а ярость на него направленную. Она грозила ему отомстить, видно совсем потеряв рассудок. Да как могла она грозить князю и сыну богини Морене. Но все-таки грозила.

Но он был уверен, что она не ведьма, а если даже и захочет, и тогда не сможет причинить зла.

Он появился вовремя, немного побыл среди них. А потом порхнула Анфиса, и ласково увлекла его в чащу лесную. Она хотела показать ему лесное озеро. Ее любимое место. Они должны были остаться наедине именно там. Им никто не станет мешать.

Что-то удерживало князя по дороге. Он шел очень медленно, да и куда торопиться, если целая ночь впереди? А она увлекла его к воде, хотела смыть с себя все прошлое, и стать чистой и еще более счастливой, вода всегда казалась ей самой большой радостью в жизни. Там они должны были оказаться вдвоем, иначе все испортиться.

В мрачных бликах лесного озера мелькнуло что-то темное и страшное, но она на него смотрела и ничего такого не видела.

Ветки елей качались и тонули в воде, наплывали и снова пропадали какие-то чудовища невиданные, но бывшие вполне реальными. Он видел, что его дева не робкого десятка, если и здесь она спокойна и весела, а ему и подавно бояться было нечего. Одежда сама слетела с них. Она первой ступила в воду, увлекая его за собой. Звонкий смех прозвучал рядом. Это свершилось. Он обрел свое счастье, ничего больше не было нужно князю от мира,.

Он вспомнил, что они могут забрать его назад, и больше и думать о том не хотел. Он не станет страдать здесь, и он не вернется к ним туда. он будет счастлив в объятьях этой девы, и не нуждается в них.

Он бросился за ней и старался в воде догнать Анфису. Но она была в тот момент уже далеко и веселилась от души.

NoNoNoNoNo

Водяной радовался. Ему не надо было прилагать усилий, для того, чтобы исполнить то, что от него требовалось. Она все делала сама. Она стараласьоторваться от князя, словно боялась, что и его увлекут в пучину за ней.

Царь Морской злился, он видел, как князь ее любит. А к любви он всегда относится трепетно. И не хотелось ему лить воду на мельницу Перуна, да выбора у него уже точно не было. Ему не хотелось сориться с Мореной, а это скоро

случится. Потому он отвернулся от того места, где все было прекрасно видно. И попивал молча свой любимый напиток, у него не было названия. Это было только его пиво.

Он не хотел смотреть на то, что должно было скоро случиться.

Анфиса веселилась от души покачиваясь на водной глади. Она не понимала, почему князь плывет так медленно, словно ему не особенно и хотелось ее догнать.

Неужели силы уже оставили его, а ведь у них еще вся ночь была впереди.

Странное волнение потихоньку заползло в душу ее. Она не раз слышала, что он побудет с ней и бросит.

Но в тот момент она странно пошатнулась. Радость сменилась страхом. Она успела только пронзительно крикнуть и в последний раз взглянуть на князя, и в тот же миг скрылась под водой. Он ничего не понял, решив, что она просто играет с ним в странную игру. Но она не появилась. Он нырнул туда, во тьму. Он надеялся, что она появится в другом месте. Поверить в то, что она исчезла совсем было невозможно. Но появилась Морена.

– Не жди ее, она к тебе не вернется, – услышал он голос матери

– Но что еще они могли сотворить.

Он уже догадывался и сам о том, что произошло, только поверить никак немог, таким чудовищным все это казалось.

– Перун никогда не даст тебе быть счастливым, разве ты

не понял этого с самого начала?

Он корил его за то, что она не предупредила его о беде.

– Для чего, – пожалала плечами богиня смерти, – смерти и разлуки не избежать.

Даже ты не сможешь от нее ускользнуть, а смертная девица.

Он еще что-то говорил, но она уже исчезла – тяжело было оставаться здесь, с ним рядом.

Толпа уже неслась к озеру. Кто-то смотрел на князя, сидевшего на берегу, но остальные, разгоряченные, шумные, бросились в воду. Их не особенно волновало, что с ним произошло. Еще меньше волновались они за строптивую девицу, пусть остается там, где хочется. В такую ночь надо веселиться, а не ссориться, да еще с князем.

NoNoNoNoNoNo

Князь Славен не мог ждать чуда. Он отправился подальше от проклятого озера. Ничего не осталось в душе его от недавней радости и от любви. Они не оставили и не оставят его.

Но почему они так странно жестоки, разве мало ему страданий? Они не стали забирать его, они просто забрали ее. Она пострадала невинно, и он будет помнить о том всегда, разве забудешь такое. А мир оставался прежним, ничего тут особенно не переменялось. Такова жизнь.

Глава 20 Богиня смерти

Князь ушел, растворился во тьме. А Марена еще стояла на высоком берегу и смотрела ему в след.

– Они никогда тебя не простят, – думала она., – и вечной будет твоя тоска о ней.

Она не в первый раз успела убедиться в том, как жестоки могут быть боги и к своим и к чужим, и к виноватым, и невинным.

А Анфиса успела подумать и понять, что она тонет. Время уже не текло для нее, хотя вроде бы ничего и не закончилось. Но и на той глубине озера она чувствовала себя живой, и исчезла только для странного мира, оставшегося где-то далеко. Она была выброшена из жизни, оторвана, но не исчезла. И это так странно сознавать.

Она расслышала голос Морены на берегу, хотя звучал он глухо издалека.

– Они не простят тебя и не позволят быть счастливым, – говорила она сыну своему. – Ты слишком много хотел и много от них требуешь, кому такое понравится?

И слышала Анфиса, что вечной будет его тоска. Как странно прозвучало это из уст богини смерти. И она уже не думала о себе, все мысли ее сквозь слой воды летели к нему.

– Бедный Славен, я не хотела причинять ему таких огор-

чений. Я не хотела, чтобы он страдал только потому, что встретил меня.

Она вспомнила, как убеждал он, что боги не заберут его к себе. Тогда она не спрашивала, почему он так уверен в этом. Она не заметила, сколько времени прошло с тех пор, как она во тьме оказалась. И надо было выяснить, что произошло с нею, что будет дальше.

В тот момент русалки и окружили ее. Они двигались со всех сторон. Они узнали от Водяного, что произошло. И о воле Царя Морского узнали, и как девица им сама помогала в том. Он не мог скрыть этого от русалок. Они вскоре бы ее все одно тут обнаружили.

Она смотрела на них и дивилась их виду странному. Бросалась вековая грусть в глазах. Что-то тревожило и отталкивало одновременно. Но они одни могли поведать ей, что же произошло с ними со всеми, и самое главное – с ней.

– Что это за мир, отчего вы такие странные? – допрашивала их Анфиса.

– На дне мы, если ты еще разглядеть не успела, – отвечала ей самая шустрая из русалок, ближе иных стоявшая к ней.

– Да и ты одна из нас, иначе и не говорила бы.

– Сюда попасть легко, но отсюда не выбраться, – твердила третья, – нет больше обратной дороги.

– Может и любил тебя там князь твой, только не быть теперь тебе с ним никогда.

Голоса их раздавались с разных сторон, и она успевала

только слушать все это. И постепенно она начала понимать все от начала до конца, отчего и впала в тоску смертную. А как по-другому быть могло?

– Забудь о том мире, – говорила Умина, – она уже знала имя этой девицы, – так легче и проще будет жить. – Там ты могла избавиться от тоски, если бы утопилась, здесь больше этого не можешь сделать.

Но другая русалка, которой было жаль Анфису, приблизилась к ней и шепнула:

Не слушай ее, помни о нем всегда, потому что больше ничего не будет, ты сможешь его видеть иногда, а разве этого мало?

– Это если он будет приходить к берегу озера, – напомнила ей Умина.

И та другая промолчала, это было правдой. Увидеть любимого можно было только если он сам сюда приходить станет.

Анфиса пока еще понятия не имела о том, что для нее лучше. Но появилась хоть какая-то надежда

– Видеть князя иногда? Только это мне и остается, какая малость

Она подозревала прежде, что жизнь не кончается, но жизнь ли это, или только иллюзия, обман сплошной.

– Ты сама не захочешь с ним встречаться, – говорила первая русалка. – любовь хороша только когда люди принадлежат друг другу, когда они могут быть вместе, а не иногда из-

далека видеться.

– Ты так говоришь, потому что о тебе давно забыли все, -напомнила ей подружка.

Они вроде бы продолжали свой давний спор. Анфиса понимала, что в чем-то каждая из них права. Но князь даже и не знает ничего толком, на что же она может надеяться? А если он погибнет в сражении? А если останется, придет ли он к ней хоть однажды?

Она теперь знала, что Славен пошел против Перуна самого, когда еще на небесах оставался. И тот отомстил ему, когда отнял ту, которую он любил, так она тут и оказалась.

Они могли совсем не встретиться, если бы он не был изгнан и она бы не погибла, но что это была бы за жизнь?

Русалка понимала, что ничего прежнего не вернется, и впереди мрак и пустота.

Глава 21 Возвращение

Он долго шел до терема своего. Остановился перед ним в раздумье, но не узнал родного жилища. Оно показалось чужим и далеким. Там было тихо. Его дружинники и слуги были на игрищах или незаметно отправились спать. Но не отдал никаких распоряжений князь.

Он даже обиделся немного, когда увидел, что Дубыня стоит на крыльце, готовый ему верно служить.

Но ему видеть в тот момент никого больше не хотелось. – не будет пира свадебного, – прохрипел князь, и поминальный тоже отменяется, невеста исчезла, она на дне озера.

И после этого, согнувшись, князь пошел прочь.

И нечего было на это Дубыне ответить, да и что тут сказать можно было?

Но Варвара своей радости не скрывала. Она была уверена, что это ей помогла богиня ее милая, Лада, и морскому царю она хотела принести жертвы. И если она немного еще подождет, то князь сам придет к ней.

– Чему ты радуешься? Удивленно спросил ее воин. – Будто ты ему нужна, да если бы так было. Ты последней будешь из тех, на кого он взор свой обратит.

Он показал ясно, что ему известны все ее замыслы, но это ее не удивило и не разозлилось вовсе. Она знала, что не оступится от своего, пока жива, и муж, который ее не любил во-

все не мог быть для нее никакой помехой.

Дубыня тоже по-своему радовался. Ему казалось, что князь будет счастлив, ведь это было несправедливо. И хорошо, что он в один миг лишился всего. Но он злился из-за жены своей, которая не скрывала от него своих мерзких планов.

Теперь ему хотелось убедить князя в том, что он должен жениться на обычной боярыне. Ему нужны наследники. Он не может покинуть мир, не оставив своих сыновей. Он должен помнить о смерти, о том, что все может измениться в один миг.

Все изменится после свадебного пира, а любовь, да какое она имеет значение, и без нее можно прожить, и очень даже неплохо. И он стал прикидывать, глядя на девиц, какая из них станет женой князя. Она должна была просто понравиться князю, большего и не требуется.

Но уже несколько дней он не появлялся, и воины не знали, чем им заняться.

Девицы не особенно рвались стать княгиней и женой красавца-князя. Но многие в глубине душ все-таки таили надежду на то, что князь может и на ней жениться.

Но в центре внимания в те дни оставался Дубыня. Он стал важничать, тянули не принимал никакого решения, ему еще какое-то время хотелось побыть важной птицей.

Первая и бурная радость его жены быстро прошла. Боги не стали помогать ей дальше, в центре внимания оказался

ее муженек, будь он неладен. Она хотела только одного – отправиться к ведьме и совета ее спросить

Дубыня знал о том, что она навещает ведьму, но ему хотелось, чтобы она там и оставалась навсегда и не возвращалась к людям.

Варвара упорно ждала своего часа, и понимала, что однажды может не выдержать и утопиться с тоски, как и ее предшественница.

Глава 22 Появление Лады

И познакомилась Анфиса с этим миром, и понимала, что тут не только покой, но и уныние повсюду. Зато она забыла о князя, обо всем, что там ее так тревожило. Впервые она появилась на берегу через месяц после своего исчезновения. Она вдохнула свежего воздуха с особенным наслаждением, и ей показалось, что она снова жива, и снова дома у себя.

– Не думай об этом, – потребовала русалка, увязавшись за ней, это обман, нам нет туда дороги, мы в этом мире навсегда, ты можешь полюбоваться на него издали, но не стоит увлекаться, тяжело будет потом назад возвращаться.

Но Анфиса обратилась с мольбой к Ладе, хотя и не знала, что та для нее может сделать.

Лада появилась перед нею, словно ждала ее мольбы. Но она была не только добра, а еще и разумна, и потому объяснила русалке, что мир так устроен, и даже она какие-то порядки не в силах нарушить.

– Марена рассказала мне о том, что случилось, – говорила задумчиво Лада, – мне очень жаль тебя. И даже слезы появились в прекрасных глазах ее.

– Слишком поздно что-то менять. Князь Славен пошел против Перуна самого и вы были обречены. И еще одно. Он знал, как мстителен Перун и догадывался, что страдать от этого будут другие. И это только начало, ведь даже сыно-

вья еще не родились.

– Сыновья? – удивленно спросила Анфиса.

– Не завидуй жене его, ей еще хуже, чем тебе будет, и если кого и надо пожалеть, так это ее.

Но на этот раз она не поверила даже Ладе и хотела оказаться на месте той, которая будет с князем и сыновей ему родит.

– Но пусть он обо мне не страдает, – попросила она, и на самом деле немного успокоилась.

– Он не забудет тебя, память странная штука, она остается с человеком, а без нее все не имеет смысла вовсе.

Любовь останется, это будет странная и печальная легенда, хотя имени твоего они и не вспомнят, но останется грустная история о потерянной невесте.

Как тяжело было снова возвращаться в подводный мир. Ей так хотелось остаться на земле и воздухом подышать, пусть в дремучем лесу и в одиночества, но все-таки на земле.

– К этому привыкнешь, – успокоила ее богиня на прощание, и связь с этим миром будет слабеть со временем.

И русалка услужливо подтвердила, что все так и будет раньше или позднее.

Лада только что отошла подальше и стояла на берегу озера.

– Бедная девочка, – думала она, – как несправедлив мир, и больше всего страдают те, кто ни в чем не виноват.

В какой-то момент ей хотелось броситься к Перуну само-

му и что-то для нее сделать. Но она понимала, что это только благие порывы, ничего не переменится.

Перун не переменит своего решения, а может еще больше навредит тому, кто осмелится просить. И она поторопилась поскорее уйти, чтобы не искушать чужую судьбу.

Глава 23 Появление князя

Лада отправилась прочь.

Князь понимал, хочет он того или нет, но к нему будет приходить погубленная им тень. И не задумываясь, он сам оправился туда, в мир, из которого его невозможно было вернуть назад. Он был уверен, что около того озера он и найдет и покой и утешение. И тогда случится какое-то чудо.

Исчезая, Лада увидела князя, и упрекнула себя за то, что плохо о нем думала. Он оставался просто обычным властелином, со своими слабостями, и не стоило от него требовать многого. Но она старалась не думать об этом.

Он остановился перед озером. Здесь было тихо и пусто. Но жизнь прекратилась. Она просто затаилась и укрылась от глаз. И так хотелось любыми путями туда проникнуть. Он почувствовал, как неподвижная гладь озера зашевелилась и перед ним появилась русалка.

Он мелькнула только на мгновение и снова исчезла. Но он был уверен, что скоро ее увидит. Хотя девица была так же хороша, но что-то мертвенное было в ее прекрасных глазах. Он это понял, когда она уже скрылась. Хотя ее глаза и были открытыми, но они были мертвыми, ни капли жизни не было в них. Такими были глаза воинов, павших в битвах. И он понимал, что из-за отчаяния и безрассудства своего заглянул за ту черту, куда живому человеку заглядывать никак нельзя.

И не мог остановиться, слишком поздно.

NoNoNoNoNoNo

Пока князь все еще стоял перед ними, русалка опустилась на дно озера и рассказала Анфисе о том, что князь появился на берегу.

– Он очень грустный и надеется, что увидит тебя. Можешь там побыть, этого никто не заметит.

– Нет, – говорила она, – я не хочу туда. Я чувствую, что он рядом, пусть он уйдет, и не надеется на то, что я появлюсь.

– Но зачем так делать, пусть он приходит почаще, пусть будет приговорен к этому озеру. Ты же сама хочешь его видеть.

Русалка все еще смотрела на нее, не понимая, притворяется ли она или на самом деле хочет ее пощадить, или просто набивает себе цену. Девочка была себе на уме. Она проигрывала в самом главном, и должна была воспользоваться малым.

Русалке не хотелось, чтобы Анфиса проиграла.

Славен у озера вспомнил разговор с Дубыней., о том, что он должен жениться и произвести на свет потомков. Он возмутился тогда и никак не мог успокоиться.

Воевода хочет побольнее его ударить и отомстить за собственную женитьбу. Хотя в этом и был смысл, но соглашаться с ним он не собирался. Кто бы не была эта несчастная, которая готова рожать ему сыновей, ее доли не позавидуешь.

Не захочет ли она броситься в то же озеро? А если и не за-

хочет, не станет ли она камнем у него на шее? А князю Славену хотелось теперь если не счастья, то свободы. Вспомнил он про жену воина своего, и помнил, как хотела она стать его женой. И возможно об этом печется воин его. Женатый князь будет от нее дальше, чем свободный.

№№№№№

Лада подошла в тот момент, когда он отвернулся от озера и пошел, не оглядываясь, прочь.

– Ты доволен тем, что произошло, даже Марена потеряла покой, на тебя глядя. Я видела эту деву. И знаешь, о чем она меня просила, чтобы ты забыл о ней да не маялся.

И она почувствовала, какие муки терзают его душу, хотя и было темно.

– А ко мне она не вышла, – только и заметил князь, – но я не хочу забывать о ней. Мне не нужна ее жалость.

– Пройдут века, прежде, чем сбросят его идол, и он перестанет бесноваться.

– Ты заносишься, и я вижу в тебе первого богоборца, только от таких вот все беды и случаются, лучше от насилия не будет, на смену плохому придет худший.

И только потом тебе подобные поймут, что бог наш был не так плох. Да поздно буде т уже. И в рабство и беспмятство впадут они тогда, потому что слабы будут, и не захотят помнить, как прекрасно все было, и как они это своими руками и уничтожили все.

Славен понимал, что ведомо было Ладе то, о чем он и до-

гадываться не мог, на земле оказавшись.

Он сказать что-то хотел, только не было ее, затерялась она в тумане, совсем пропала.

Не способен он мир менять, став обычным смертным, пусть и наделенным властью. Но что его жизнь и его власть перед вечностью.

Она продолжала защищать Лад в этом мире, хотя и понимала, что все они обречены.

Глава 24 Рядом с князем

Давно уже такая тревога не витала над землями Славена. Весь мир превратился в безмолвное подводное царство, в которое он однажды увидел путь.

Это озеро теперь не только девы, но и дружинники обходили стороной. Лес стал заповедным считаться, и они в других, дремучих свидание своим любимым назначали.

Там хоть Соловьи да Разбойники обитали, но все спокойнее казалось.

Соловей, хоть и разбойник был живой душой, не то что здесь призраки одни, да еще на князя и на весь остальной мир обиженные.

И хотя позднее о страшном происшествии и забыли давно, а лес, как был заповедным, так и оставался. И духи там, видя как безлюдно и спокойно, и стали с большой радостью селиться.

И только Леший, соскучившись без людей, а особенно без дев молодых, которые и носа сюда не показывали, будто вымерли вовсе, часто ругался с

Водяным и винил его во всем, о чем тот и не догадывался даже.

Но Водяного мало волновало то, что Леший скучает да хандрит и всех собак на него свешивает напрасно. Но дева сгубленная князем, у него оставалась, а куда ее еще девать

было?

И князь, пока был жив продолжал около этого озера бродить. И русалка стала поджидать его прихода, хотя все еще не появлялась, да была все время поблизости.

Иногда, притаившись за корягой, она тайно на него поглядывала, потом незаметно исчезала, только вода где-то поблизости колыхалась еще долго.

Она помнила, как просила Ладу, чтобы князь забыл о ней, радовалась, что этого не случилось.

– Пусть он приходит, – думала она в минуты затишья и уныния.

И она знала, что наступит миг, когда она покажется ему, только хвост в воде укроет, а в остальном она не изменилась. И хотя злыдень -водяной все время твердил им о том, что они мертвяки, как бы хороши не были на первый взгляд, но им казалось, что он просто завидует и издевается над ними.

– Он так молод и хорош собой, -верещала Берегиня, рядом с русалкой оказавшись.

– Ты должна отпустить его, не губи его раньше срока. Как прекрасны будущего сыновья, миру нужны такие князья.

И она умела доводить до слез, и была довольна.

– Мы не можем даже говорить с ними.

Она и на самом деле почти забыла о том. Молчание – это еще одно страшное наказание, настоящая беда для нее. Но она вспомнила о Ладе, и решила, что богиня сможет ей

помочь

– Слова ничего не значат, можно говорить с ними и по-иному, сердцем.

Та только улыбнулась застенчиво и удалилась, решив, что говорить с Анфисой бесполезно.

Какими же неблагодарными бывают подруги. Но без нее было еще хуже, чем с ней, вообще слова сказать некому.

NoNoNoNoNoNo

Князь жил обычной жизнью, куда-то отправлялся в поход, возвращался назад усталый и одинокий. И все время появлялся на озере, когда была свободное время. И здесь он находил какое-то успокоение.

В тот день его что-то задержало в дороге, он появился позднее обычного. И увидел Анфису на зеркальной глади. В первый миг даже отпрянул в сторону. Она лежала на поверхности воды и смотрела на него, а потом, словно в небе пыталась разглядеть дальние звезды, мерцавшие странным блеском.

Он замер на месте, даже дышать перестал, моля о том, чтобы она не исчезала. Но она исчезла бесшумно, и он не мог понять было это или не было вовсе.

Но он так ясно видел ее. И даже не заметил леденящей душу мертвенности.

А знал, что русалки отличаются именно этим от живых девиц.

Никого уже не было, вода не шевелилась, а он видел, как

она падает в черную пропасть, срывается и падает снова. Но в тот день странный князь понял, что он должен жениться. Пусть его жена рождает и растит наследников.

Глава 25 Вторжение

Варвара заметила, что он еще меньше, чем раньше на нее смотрит, и решила идти до конца, понимая, что надо немного подтолкнуть происходящее, чтобы оно двигалось быстрее. Иначе ей и на самом деле уже не на что будет надеяться.

Она не могла знать, что в те дни Славен впервые увидел русалку, и моментом казался для нее самым неподходящим.

Он смотрела на него, но что-то подсказывало ей, что надо отступить, но она не подчинилась.

Она видела, как он прошел мимо, даже не взглянув на нее, и шагнула к нему навстречу твердо и уверенно.

– Постой, князь, мне жаль тебя, мне хочется помочь тебе, – крикнула она ему в след.

Голос ее он услышал, хотя удивился, что она не спит в этот час. Она смотрела так ласково, голос что-то обещал.

Он остановился, чтобы послушать ее, но не больше того.

– Ты решила помочь мне? И как ты это сделаешь?

Он казался злым, на самом деле едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Никто не станет тебе ближе, чем я, – говорила Варвара, ты получишь все, что от меня потребуешь.

Он молчал, словно и на самом деле прикидывал, что может от нее получить.

Она бросилась к нему, готовая подтвердить делами то,

о чем сказала.

– Да вот, беда, ничего мне от тебя не нужно. У тебя есть муж, ты нужна ему.

А тайные встречи да обманы, на что мне они? Не княжеское это дело. Может ты и согласна, но я не соглашусь на такое.

И он стоял перед ней во всей красе. Но что-то жуткое таилось в прекрасных его глазах. Будто он думал, как уничтожить ее. И она это чувствовала. Она вздрогнула, в глазах сверкнула ненависть, страх, боль, унижение опутывали ее. Но она не понимала, откуда взялась эта жестокость. Как он вообще мог быть таким.

– Дура, – уже равнодушно думал князь, любая девка была бы уже в моей постели, а эта все еще размышляет. Но она не смеет так нагло в жизнь врываться.

Но злость по-прежнему жила в душе его. Другие чувства он смог навсегда прогнать прочь.

NoNoNoNoNoNo

Варвара сидела в своей комнате, заперев дверь. Она никогда не хотела впускать, ничего не ела давно, и не хотела есть. Дубыня перебрался в другую комнату, и не только не пытал ее, но даже и не спросил, что с ней приключилось.

А на князя не стоило и надеяться. Если он что-то и сделает, так это потребует, чтобы она убиралась из терема. Но он даже и этого делать не стал. И она гадала, должна ли оставаться тут до конца, или все-таки отправиться к ним и жить

дальше, словно ничего и не было. Но ведь и на самом деле ничего такого не случилось.

Проклятая русалка лишила его разума, если он может так спокойно от всего отказаться.

На третий день, шатаясь от голода и огорчений, она ходила около окна, не понимая, что делать и как поступить дальше.

Она собиралась к ведьме. Она готова была на любое колдовство, даже уморить и убить князя, если он не согласится на ее условия, то она все равно добьется своего и старуха ей в том поможет.

От этих мыслей ей стало немного спокойнее. Но она не подумала о том, что могут оказаться колдуньи и посильнее этой старухи. Кто-то из них захочет позаботиться о князе.

Да что там колдуньи, сама Морена была возмущена, когда увидела то, что творилось под самым носом у князя. Тогда она и выпустила стрелу из лука. Та пронзила ее сердце. Она сделала шаг вперед и рухнула посреди княжеского двора.

Слуги с ужасом замерли, увидев, как Варвара упала и умерла. Но никто так и не решился тогда подойти к ней, ощущая, что там таится зло.

Только одна старуха в хижине и могла видеть и знать, что произошло. Она злилась, видя, что не может предупредить свою внучку. Но ничего против богини черной сделать она не могла, и не пыталась даже. Она понимала, что и кто за князем стоит, и бороться с такой силой было бесполезно.

От детей богов все беды на земле и случаются. Но Варвара шла все время напролом, за это и поплатилась теперь.

Глава 26 Гибель Варвары

– За что? – кажется крикнула строптивая девица на прощание.

Она готова и сама была убить окаянного князя, но ничего не вышло и не выйдет никогда. Но в следующий миг она вообще не могла думать, хотя тело ее охватила невероятная легкость. Она увидела его где-то внизу, и впервые ощутила, что парит над землей. А потом страшная боль и снова легкость, что это было? Что это вообще могло быть?

Тело лежало на княжеском дворе и от него все шарахались в стороны, как от какой-то заразы или страшной колдуньи. Но ведь это было ее тело.

– За что спрашиваешь? — услышала она приятный голос рядом, но женщина была страшна и черна, или ей только от страха так показалось?

В тонких, красивых руках она сжимала лук со стрелами. Одна из них была в ее теле. Девица пригляделась и увидела ту стрелу.

– А за то, что больно много ты хотела, совсем ума лишилась от своих деланий диких. Мыслила, что кара тебя не настигнет, две жизни прожить хотела, а не бывать этому. Если не смогла я сына своего от Перуна защитить, то уж с тобой справлюсь, – рассмеялась она звонко и громко. Вот смех у нее был совсем не приятственный, это точно.

– Куда мы теперь? —спросила Варвара, глядя в одну точку, туда, где была богиня смерти, как ей казалось.

– Сама провожу тебя туда, где ты за все ответишь, узнаешь, что бывает тем, кто слишком высоко взлететь старался.

Варвара хотела противиться, но ее спутница снова рассмеялась, да так, что та поморщилась. Не могла она противиться, не могла и все...

– Смерти не наступило, но она же убила меня, – душа оглянулась на тело и замерла снова.

Оно валялось на земле, никто так и не осмелился к нему приблизиться. Но она парила, и мир никуда не делся, если бы нее странная спутница, все было бы вообще чудесно.

А вот то, что ответить ей там, куда они двигались, придется, в том не было сомнения.

Вскоре она убедилась, что не только все ее и особенно темные дела, но и помыслы были ведомы богине, а она-то надеялась, что ни одна живая душа о них ничего не знает. Она злилась на старуху за то, что та ее ни о чем не предупредила.

– Глупости, она тебя упреждала, – усмехнулась незнакомка, во взгляде ее сквозила ярость, – но разве в гордыне своей ты слышала кого-то? Ты и остановиться не могла, одуматься не хотела, но я тебя остановила навсегда, потому что ты - чернавка, на своего сына замахнулась. Тебе кажется, что вы несокрушимы, но позову великанов, они и горы разрушат, а уж с людишками справиться мы сможем и сами.

Она повернулась к своей пленнице, лицезреть мука ей до-

ставляло удовольствие.

Варвара понимала, что не может просить ее о пощаде, будет только хуже, все, что могла, она уже сотворила.

– Ты права в этом, – согласилась та.

Варвара вздрогнула, она еще не привыкла к тому, что все ее помыслы угадываются в один миг.

Как много изменилось в мире с той минуты, когда невидимая стрела пронзила ее грудь.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Первым мертвое тело увидел Дубыня. Он поспешил к несчастной, даже не скрывая своей радости. Но он боялся, что она не умерла, а только чувств лишилась. Вот этого ему вовсе не хотелось. Но едва приблизившись, он заметил, что она мертвее мертвого, рука ее была не просто холодной, но каменной.

Через какой-то срок, узнав о происшествии, появился князь. Он не разделял радости Дубыни, он понимал, что смерть этой бабы как-то связана с матушкой и с ним самим, даже догадывался, как это могло произойти, а когда пригляделся и увидел стрелу, то понял, что все неотвратимо.

Но он был уверен, что ее не стоило убивать на глазах у всех. Большинство служанок и всех, кто был поблизости, не скрывали страха, переходящего в ужас.

Теперь им казалось, что приближаясь к красавцу-князю, они к смерти своей близятся.

– Ну что стоишь будто истукан, – прохрипел он, набро-

сившись на Дубыню, -убери ее тело с глаз долой, сколько они могут верещать да глазеть на нее, и погребальный костер готовь.

Будто опомнившись, воевода побежал исполнять княжеское приказание, шепча при этом какие-то странные слова, и обращаясь сразу и к Велесу и к Перуну и к Яриле. Он всегда был шустрым, хотел, чтобы на помощь ему пришли все боги разом.

Он чувствовал себя свободным, и это радовало его, хотя вроде смерти в глаза заглянул...

– Мы свободны оба, – задумчиво произнес он, глядя, как служанки, не скрывая ужаса, готовят его жену к погребальному костру.

– Мы должны женить тебя, княже, тебя первого, а мне еще свобода не надоела, я только что в нее начал горячо веровать.

Князь смотрел на него, и все мрачнел его ясный взор. Но пока он говоритьничего не стал. Если бы Дубыня не был с ним рядом в тот момент, когда Варвару нашли мертвой, то никто бы не разуверил Славена в том, что богатырь не прикончил свою женушку сам. Но он не мог убить ее, все время около князя находясь, неотлучно следуя за ним.

Но Славену нужно было думать о своей жене, которой пока еще не было в помине, в этом Дубыня прав. Он сам должен решить, кто станет хозяйкой в этом мире, пока мир не пришел в упадок, вот и Домовой все время ему о том напоминал, то во сне, то наяву, напрасно он отмахивался от своего

хранителя.

Сон за день до тризны странно его будоражил. Ему снилась сильная длинноволосая русалка. Она старалась убедить его в том, что она и есть Анфиса:

– Просто ты не узнаешь меня тут, на земле, а вот если бы ты опустился со мной на дно морское, там ты узришь меня прежнюю, там я стану еще краше, чем была тогда, – уверяла она Славена.

Он пытался и не мог проснуться, а она звала его все яростнее, и так, что уже казалось, будто и не вырваться ему из ее объятий.

– Я бы и хотел с тобой там быть, да не могу, у меня еще много дел в мире моем.

Что-то подсказывало ему, что это не его возлюбленная, а сам главный бес над ним так измывается. И настроен, и послан он был самим Перуном сюда.

Со странной болью в груди проснулся князь Славен, он понял, как сильно противоборство духов, и он оказался в самом центре этого хоровода. Но часть пути пройдена, ему следовало идти дальше и больше не останавливаться. Но ясно было, что дальше будет только страшнее, эти внезапные смерти – только начало всех бед. Что с ним может случиться? Это одному только Сварогу ведомо.

О, отец Сварог, почему же он молчит. Отчего он не вступит за того, кто слабее, ведь не боится же чудесный кузнец сына своего, да и чего ему вообще этом мире, им же и со-

творенном, который недолго перековать, бояться? Но если в мире есть добро и зло, так отчего не уравновесить его, хотя бы в судьбе Славена и его близких? Почему только черной краской весь его мир разукрашен теперь?

Глава 27 Женщина- Змея

Морена решила показать Варваре ее тризну. Хотя такого не было до сих пор. Но почему не позабавиться.

И вот теперь они смотрели на перепуганную толпу людей, не скрывавшего радости Дубыню, которого никто не мог обвинить в убийстве постылой жены – много было свидетелей ее внезапной смерти.

Князь на несколько мгновений появился у костра. Но на лице его не было ни радости, ни печали, только равнодушие и отрешенность.

Он должен был открыть это действо, и тяготился немного своими обязанностями.

Как только костре разгорелся ярко, взвился до небес и его окружили люди, чтобы приобщиться к происходящему, князь отошел в сторону, а потом и вовсе куда-то удалился.

– Вот и все, что осталось, несколько каких-то тайных историй о странной жизни и гибели славянки.

Но многие говорили потом, что те, кто к князю приближаются только так и могут закончить свой путь на земле. Потому что черная дивная птица всегда над ним вьется, и те ни от ее крыльев закрывают весь свет и мир остается где-то в тумане.

Варваре на небесах слышала это и невольно очнулась от своего забвения.

– Тебя уже нынче никто там не помнит, муж твой даже вида не делает, что скорбит без тебя. Тебе надо обо всем забыть – это лучше всего, но сначала на суде у Ния со Стрибогом ответить придется.

Морена подала знак Серому волку – ее верному помощнику, и тот приблизился у душе.

Ему она и передала пленницу, посмотрела, как волк несется, обгоняя ветер, да и отправилась прочь.

Варвара еще раз порывисто взглянула на то место, где недавно полыхал костер, люди расходились кто куда – жизнь на земле продолжалась. Так будет всегда. Ничего не изменилось там в это время.

Вот и она постаралась просто забыть о том, что с ней там было и чего не было.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Избавившись от надоевшей бабы, Морена помчалась назад на землю. Она все чаще теперь там задерживалась, ей вовсе не хотелось оттуда уходить надолго.

Кто бы мог подумать, что она так просто простится с небесам, и не будет даже стремиться вернуться туда.

Чтобы не привлекать внимания, оборотилась она Змеей – так проще было по земле ей двигаться и во дворец, а потом и в княжеские покои и доползла незаметно. Она слышала шаги Славена. Но и без того она знала-ведала, что он должен тут появиться.

И стала прежней, ей не хотелось ей пугать сына.

– Ну, здравствуй, сынок, – услышал князь ее низкий и странный голос, который никогда не перепутал бы с другим, – Я не хотела, чтобы ты страдал еще сильнее, вам со Скифом и без того досталось. Эта баба могла навредить тебе, с толку тебя сбить – мир-то чужой, а за ней бабка-ведьма стоит все время.

Справиться с ней не трудно, но следить день и ночь не могу. Да и не нужна тебебета суета.

Славен молча смотрел на нее. Он ждал, что еще она ему поведаает.

– Они не позволят тебе жениться на той, на которой хочешь, но ведь жениться все равно придется, ты должен оставить наследника.

Славену хотелось понять, о богах или людях говорит его мать, но она молчала, а он не стал ее спрашивать.

– Да, – наконец подал голос князь, – воевода почти убедил меня в том, да и какая разница, кто будет на ложе моем, пусть родятся наследники, разве не это главное?

– Я рана, что ты понял это, покойного наша Мокошь ведет, а упрямого тащит, пусть она ведет тебя, не стоит с ней спросить.

Славен убедился в том, что его мать не только Ехидна коварная, но и мудрая, богиня, если бы он ее слушался тогда и не был так дерзок и упрям, то и не оказался бы на земле, а рядом с Перуном бы где-то там в небесах оставался.

Хотя быть в свите Громовержца ему хотелось еще меньше, еще чего — все время в его тени оставаться.

Но тоска и уныние его не оставляли потом, хотелось выть оттого, что нетолько небеса, но и земля была к нему то равнодушна, то жестока.

– Я устал противиться всему, но и оставаться в одиночестве без поддержки небес тоже не хочу, – признался Славен.

Морена хотела заглянуть в грядущее, но к пряхам пойти ей не позволяла гордость.

Но она знала, что пробьет час и она посмотрит тайно или явно в книгу судеб, и вот тогда ей все станет ясно и понятно, что сбудется, чем сердце успокоится у ее сына изгнанника.

– Пусть моя невеста Баба Яга будет, – услышала она голос сына, – кажется он очнулся и снова решил шутить и издеваться.

– Не бывать этому, – серьезно отвечала она, – они не позволят этого, Велеспервый не позволит, а такого врага нам только и не хватало. Не забудь, что и ведьма зла на тебя из-за своей внучки, и ее придется в костер бросить, чтобы не навредила своего, даже если ее час еще и не пробил.

Славен вздрогнул, неужели и смерть старухи так нужна для того, чтобы как-то устроить его жизнь.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Все решилось даже быстрее, чем Морена полагала, когда разговаривала со своим сыном.

Она оглянулась на Дубыню, решила, что на него мож-

но положиться, он понимает, что живет и здравствует, пока князь в порядке, а потом неведомо, что с ним случится.

Славен ее тревожил, но она была уверена, что все обойдется. Он отдохнет и снова примется за дело, только бы скорее все у него тут наладилось.

Морена думала об еще не рожденном внуке, который покажет и богам и всему миру, каковы дети и внуки Морены. Она же пока должна позаботиться о детях Живы. Не она ли исковеркала ее жизнь, лишила покоя. Им давно пора было схватиться и понять, кто из них будет править этим миром. Она мила, бела и прекрасна, но ей туго придется, когда Морена встанет у нее на пути.

Жива попросить о пощаде, но лучше пощадить любого злыдня, чем ее.

Тогда и придет ее миг или век торжества, и у нее будет праздник, а Морена позаботится о том, чтобы он длился как можно дольше.

Она позаботится о том, чтобы ее мечты стали явью, все для этого сделает.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

В то самое время воевода Дубыня блаженствовал. Он ходил на все игрища, которые были постоянно. Он искал для себя невесту, и не только для себя, но и

для своего князя.

Оба они тогда были свободны, и любая девица могла только мечтать о том, что его взор упадет на нее, остановится.

Глава 28 Выбор невесты

Морена, хотя и доверяла Дубыне, но решила сама заняться выбором невесты для своего сына. Это было не таким простым делом, как она уже поняла.

Она не должна быть красавицей, но и уродиной тоже не надо становиться.

Перед глазами богини мелькали серые девичьи лица и не было им числа. Умаявшись, Морена решила спросить у Сречи – богини предсказательницы – имя невесты князя.

И хотя та не должна была его произносить, но Морене она отказать не могла.

Ведь хитростью и коварством та все равно заставить ее называть имя.

– Марфа, – услышала Морена.

– Марфа, – повторила она, радуясь тому, что оказалась такой догадливой, и теперь все было проще и легче, чем прежде.

Девиц стало меньше, она смотрела только тех, которых звали Марфами. Тут уж Морена как-то справится сама. Имя оказалось созвучным и с ее собственным, что тоже ее очень обрадовало.

Подумав немного, она решила действовать осторожнее. Когда набралось пять Марф, она послала Кикимору к Кашею, велела спросить у него, какую из этих девиц тот воро-

вать точно не станет, даже если сам Перун ему прикажет.

Морена горько усмехнулась, невесту то любимому сыну выбирала, но отступить от своего не стала.

Старик сладострастник, который как и Змей Горыныч только и делал, что новых девиц искал и воровал, назвал одну.

Она не была самой безобразной из всех, и самой тихой не была, почему выбор Кашея на нее пал, сказать сложно, но вряд ли он стал бы лукавить и хитрить, да еще и с ней.

Так и решилась в один миг судьба князя-красавца и девицы Марфы.

Но пока Морена ничего не говорила Дубыне, она действовала тихо и незаметно, пусть он верит, что нашел девицу сам и никто ему не помогал.

Богатырь в это время ходил бравым героем меж девиц и разговорами да намеками внушал каждой из них, что по его воле она может и княгиней, а неженой пахаря сделаться.

И так велика казалась его власть над ними, что он и не торопился какое-то решение принимать, днем раньше, днем позднее – разве это так важно?

Ему не хотелось уходить в тень, он все еще оставался на первом месте. Но он смекал, что и затягивать сильно нельзя, а то ведь без него все может обойтись.

Вот и отправился Дубыня вместе с Кикиморой на игрища однажды вечером. В этот вечер он и должен был принять

судьбоносное решение, и оно упадет к нему с небес, а как иначе?

Затаились девицы и парни, у одного из них ведь уведут подругу, а может и невесту.

Дубыня во всей толпе увидел одну. Хотя заметить ее сразу было не так просто. Стояла она неприметная в стороне, не тешила себя напрасными мечтаниями. Но прямо к ней воевода и направился.

Для Марфы все оказалось так неожиданно, что даже когда он остановился перед ней, а не ее красавицей-подругой, она не поверила своему счастью, как не поверили и все остальные.

– Не может быть, это не может быть, – только и шептала будущая княгиня.

– Боги тебя избрали в жены князю, – громко говорил богатырь, его должны были слышать все, – И будет так, перед вами княгиня стоит.

Вместе с ней направился он в княжеский дворец. Станный гул стоял за спиной, словно все пчелы за ним неслись. И было там и радость и разочарование и упреки и проклятия к девице, хотя она была меньше всех повинна в том, что творилось.

Но самые зло словные и языкатые твердили, что не слишком велика и честь, завтра еще одной русалкой больше станет.

Но для тех, кого не выбрали, утешение было слабым. По-

жить всласть, а потом можно и русалкой становиться.

Пусть князь и не убивал Варвару, но разве не из-за него она погибла?

Но пока судили и рядили на околице, что быть может, а чего не может бытьвоевода и Марфа уже и до князя добрались.

Дубыня оглянулся на спутницу, какой же она тихой и робкой оказалась, словно ее запугать успели.

Но он стал оправдываться и говорить, что таков был выбор, Марфа должна стать его женой и все тут.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Князь спешил на озеро, потому он с недовольством взирал на Дубыню.

Но увидев за спиной у воина девуцу, понял, что тот исполнил свои угрозы и нашел для него невесту.

– Делай все сам, как хочешь, – отмахнулся он от Дубыни, словно все это его и не касалось.

Но богатырь медлил, ему хотелось заручиться поддержкой князя, чтобы тот потом не попрекал его за то, что было сотворено не так. Он обиделся, ведь князь даже не взглянул на избранницу, а ему пришлось так долго выбирать и маяться.

Ему все настолько безразлично, но он ведь молод и полон сил, этого не может быть. Но противиться своему князю он все-таки не осмелился.

– Готовь свадебный пир, – отстранил его с дороги Славен, – он начал сердиться по-настоящему.

Марфа же, когда услышала такое, и все еще не верила в это – все казалось только обманом, наконец опомнилась и засуетилась, готова была свалиться вобморок от такой радости.

Но красавец князь, обойдя обоих, двинулся дальше. Ничто не могло его остановить, когда он что-то задумал. И лучше было не попадаться ему на этом пути.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Славен появился около озера в то время, когда Анфиса еще плескалась в волнах, не думая о том, что он может появиться так скоро.

Но Водяной ее предупредил обо всем, она увидела его, и услышала мольбу:

– Не уходи так скоро, выслушай меня, пожалей меня, ведь ты не можешь уйти просто так.

Она обессилила от чувств, от смятения и от таких слов. Теперь, когда она обнаружила, что богиня вернула ей голос, неизвестно только на миг или навсегда, она снова могла говорить.

– Почему ты здесь, когда богатырь о свадьбе всех известил и невесту привел?

Он так обрадовался тому, что Анфиса тут и пока еще уплывать от него не собирается, что до него не сразу дошло, что она говорит, о чем говорит.

– Да какое мне дело до невесты и до свадьбы – это их заботы и развлечения.

Моя душа тут остается, – признался Славен.

– Не думай так, ты там жить и править должен, – запротестовала русалка, -она увидела перед собой грозный лик Морены, и понимала, что та не пощадит ее, если она попытается удержать ее сына.

– Ты не можешь ничего изменить, нам всем будет только хуже, твоя матушка нашла тебе невесту, придется подчиниться.

При упоминании о матери, князь как —то сник окончательно, он тожечувствовал, что она где-то рядом.

– Ты стала такой мудрой за это время, – только и бросил он своейвозлюбленной обиженно.

Ведь совсем другое ему хотелось услышать, но она была права.

– Тебе пора возвращаться, – не отступала Анфиса, и Водяной, все это слышала, перевел дыхание.

Ему казалось, что буря уже разразилась над их вечно тихим озером. Тягаться с Мореной ему совсем не хотелось.

– Иди к людям, ты должен быть там, – ласково попросила Русалка.

– Хорошо, я пойду, – согласился наконец князь, -но обещай, что ты не станешь прятаться от меня.

– Не станут, если мне не запретят этого, Лада ко мне благосклонна, а Перун не пойдет против нее, но может случиться что-то иное.

Русалка с этими словами исчезла. Она понимала, что чем

быстрее нырнет на дно озера, тем скорее он уйдет. Только там можно было перевести дыхание.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Князь Славен брел назад, понимая, что там вечером его ждет свадебный пир с какой-то невестой, если он и видел ее накануне, то не запомнил и перепутал бы с любой другой.

Вот такова его участь, быть с тобой, которую он не отыщет среди других девиц.

Горестное напоминание Анфисы о том, что даже на том свете им не позволят быть вместе, жгло его душу. Будет стена, которая заставит его все время на что-то наткаться и отстраняться в суматохе.

Оставались только короткие печальные встречи на берегу озера, ожидание, и разлука еще до встречи, не так уж и много, хотя и не мало. Ее участь ничто больше не сможет изменить.

Когда он вернулся во дворец, было уже темно. Но там царил суматоха. Дубыня вместе со всеми остальными готовился к свадебному пиру. Ему жехотелось только, чтобы все это скорее закончилось.

Он ничего не спросил о своей невесте, словно бы ее и не было близко. Князь рассмеялся, понимая, что не может вспомнить, как ее зовут, если он вообще слышал ее имя, то напрочь его позабыл.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Марфа же все еще никак не могла прийти в себя. Она сто-

яла, словно вкопанная посреди покое, которые воевода для нее определил и чувствовала, что силы и помыслы совсем ее оставляют.

Они ничего не знала и не ведала о мире, который ее окружал, даже не пыталась понять того, что вокруг творилось. Она только боялась, что князь рассердится на что-то и прогонит ее назад, туда, откуда она пришла.

– Не прогонит, – услышала она голос Кикиморы, – видеть эту шустрюю девицу она не могла, но слышала ее хорошо, – вот только нелюбимой ты останешься, может и сама захочешь, чтобы прогнал, но останешься тут томиться. А бороться с русалкой силенок не хватит, ты и живую соперницу не одолеешь а уж мертвую и подавно.

Марфа от таких слов затрепетала, словно лист на ветру, но сказать больше ничего не могла и не смела. Почему Кикимора говорит, что ей тут будет очень плохо, она будет несчастной пленницей. Надо было куда-то бежать и спрятаться от этого мира, но у нее не хватит силы на побег. Она оставалась покорной воле князя, была яростно брошена в водоворот, из которого живой ей не выбраться.

Глава 29 Свадебный пир

Дубыне за три удалось приготовить свадебный пир, носился он по миру, едва только успевал то туда, то сюда.

Служанки только успевали исполнять все его приказания, а он уже новые дела для всех придумывал. Они теперь дружно шили наряды для княгини и обряжали ее для главного торжества. Но самые завистливые твердили, что напрасно они стараются – ничего ее не украсит, так невзрачна казалась невеста. Но как бы все девицы не злословили, рядом с князем будет сидеть и распорядиться она, а им придется подчиниться.

Судьба часто бывала жестока, к тем, кто заслуживал лучшей доли, но оставался все еще только служанкой. Хотя с этим тоже остальным пришлось мириться. А сама Марфа все еще обмирала от страха, все тонуло в тумане, она слышала голоса, подчинялась им, словно замороженная. Но не могла избавиться от робости.

– Никогда не стану я настоящей хозяйкой тут, – думала она сердито и готова была разрыдаться от бессилия. Она боялась князя, которого видела во второй раз после того, когда ее привел к нему Дубыня.

Но ей показалось, что он и не взглянул на нее, а как — то только скривился, словно от странной боли. Ему было все равно на ком жениться. Это обижало, но она старалась не по-

давать вида. А если он разглядит ее и откажется при всех? Оставалось только убеждать себя, что такого не случится.

Но тревоги ее оказались напрасными. Князь в назначенный час спокойно и уверенно вышел на пир, как это и делал всегда. Он не выражал никакой радости, но и недовольства тоже не было – только спокойное равнодушие, ко всему происходившему.

Новая княгиня медленно привыкала к тому миру, в котором ей придется оставаться и как-то жить, а может даже выживать.

От первой радости не оставалось и следа, но и печалиться пока было не о чем. Уже в тот вечер Марфа мечтала о том, что Славен привыкнет к ней и полюбит ее по-настоящему, она и не догадывалась о том, что это невозможно, даже грозная Марена не может его заставить так сделать. И все-таки она знала, что отправится в капище Лады и принесет ей самые щедрые дары. Но она трепетала, думая о том, что скоро ей придется идти с ним в покои. Она никогда не слышала о том, что там происходит во время первой ночи.

И кто-то уже пытался намекнуть ей, что надо удержать князя, чтобы его

Кикимора с собой не увела, та-то знает, как ублажить властелина.

Сразу было видно, что Марфа этого не знала и не ведала. Она почувствовала, что каменеет, и решила, что лучше бы за столом оставаться до самого утра. И слезы сами потекли

по щекам. Кажется тогда князь повернулся к ней и в первый раз на нее взглянул, потому что все за столами зашевелились, переговариваясь.

Славен тоже подумал о том, что ночь придется провести с этой странной девицей, которую ему выбрали матушка с Дубыней.

Он подосадовал на то, что не позаботился о тайном ходе, чтобы можно было незаметно сбежать, когда станет совсем невыносимо.

Каким странным оказался этот союз, даже если у Дубыни и были добрые побуждения, то теперь он отомстил самым жестоким образом.

Он переживал все, что недавно и тот, когда женился на нелюбимой женщине

– Зло возвращается, теперь ты переживаешь то же самое, но кажется эта не так тупа, алчна и коварна, как та, которая была прежде – это обычная жертва чужого произвола.

Князь резко поднялся, так что опрокинулся кубок со сладким пивом, но он даже не посмотрел туда, что-то сказал всем, сидевшим за столами, потом своей невесте, и отправился туда, во тьму коридора.

Она покорно пошла за ним, спотыкаясь, дрожа от страха, словно была слепа. Он усмехнулся, как нежна и дерзка была Анфиса, как ему нравился ее упрямый задор. Нет, она до конца ни в чем не уступала князю. Всегда и всей он будет сравнивать с той, которая так запала в душу.

Словно в какой-то тюрьме дверь перед Марфой захлопнулась, она подумала, что никогда больше не сможет ее открыть.

Большая комната с ложем посередине закружилась перед глазами.

Князь подхватил ее и швырнул на кровать. Он ничего больше не делал, а она не ведала что должна или не должна сделать. Он лег на самый край кровати. Он был дивно красив. Но голос заставил снова обо всем забыть.

– Ты ведаешь об Анфисе, – услышала она его слова, – я ее любил больше жизни, если бы она была жива. Но не надейся, тебя в никогда не полюблю, но мне нужно быть женатым, мне нужны наследники, если не будешь дурой, и не станешь перечить мне и обманывать, то не будешь ни в чем знать нужды.

Он замолчал, словно устал, пока говорил обо всем. Она чувствовала, что не произнесет ни одного слова. Тень утопленницы стояла перед ней. Но зачем он говорит обо всем, разве трудно было слукавить? Нет, он рожден, чтобы обижать ее. Вот она и разрыдалась снова. Но ведь она не просилась, она не хотела стать его женой, хотя разве что-то можно объяснить князю?

Марфа стала развеваться, путаясь в нарядах, почувствовала, как он усмехнулся, когда заметил ее наготу и стыдливость. Наверное, она не была ни на одной ночи не то, что

с Купалой, но и с обычным парнем, не потому ли матушка и выбрала эту дурнушку?

Ужас и холод, вот что она только и помнила тогда. Кажется она лишилась чувств, а что еще можно переживать, когда князь навис над тобой, как огромная гора. Только острая боль заставила ее вернуться к реальности. Но что и как там было, понять она не могла.

Он спал, оставив ее в покое и отвернувшись к ней спиной. Она боялась разбудить его и куталась в какие-то огромные одеяла, и никак не могла согреться.

Княгиня так и не сомкнула больше глаз, хотя рассвет так долго не наступал, но она все-таки дождалась его и снова затрепетала, не понимая, что же ей делать дальше.

NoNoNoNoNoNoNo

Князь был недоволен, что проснулся тут, рядом с чужой холодной женщиной. Он распорядился, чтобы сделали ход в его покои из этого, он будет только ненадолго навещать княгиню. Он был уверен, что не станет это делать часто. Но все знали, что в эту ночь она стала его женой.

Узнав, что князь проснулся и ждет его, Дубыня поспешил к нему. Он дивился тому, что после столь бурного пира тот пробудился так рано. Сам же он никак не мог проснуться, пока не нырнул в лохань с холодной водой. Но князь не злился, он скорее был равнодушен и нем.

Князь приказал оседлать коня. Пир продолжался без него, княгиня тоже не вышла к гостям, она только попила чая,

и снова завалилась в постель, большевсего ей хотелось спать.

Она проснулась к вечеру, и потребовала, чтобы к ней пришел Дубыня, он не был таким грозным и чужим, как Славен. Она чувствовала, что это он тут всем заправляет. С ним и надо было поговорить о том, что же делать и как бытьдальше. Но ждать пришлось долго.

Марфа тяжело вздохнула, ей показалось, что даже воин, уж не говоря о князе про нее забыл и куда-то исчез.

Глава 30 Обидные откровения

Дубыня развлекался с гостями, когда те решили попить немного, без князя чувствовали себя спокойнее и увереннее. Как бы не был к ним равнодушен

Славен, но исходило от него что-то такое, что заставляло их молчать, а если посмотрит сурово князь, то и давиться кусками мяса, поспешно запивая его пивом. Воля все-таки штука приятная, особенно на пиру. Но Марфа терпеливо ждала, и Дубыня, когда почти все гости разошлись, почувывая, что князь скоро должен вернуться, вспомнив о том, что давно ее не видел, двинулся в ее покои.

В сумерках она показалась витязю маленькой и несчастной. Но он понял, что она не больна, а только голодна. Он распорядился, чтобы слуги принесли ей ужин. Потом Дубыня стал возмущаться:

– Разве еще вчера они не поняли, что ты княгиня, отчего ты такая робкая.

Он умел заставить смутиться любого, она побледнела, потом покраснела.

Радовало же его то, что это не его жена, да и не доставит она им столько хлопот, что следить надо за ней неустанно.

– Я ведаю, что никогда он меня не полюбит, – лепетала Марфа, – он говорил вчера о том, скажи, она была очень красивая и боевая?

Дубыня не сразу понял, о ком она спрашивает, да и не думал он, что князь будет ей о том говорить. Но она оказалась не такой уж глупой, как казалось сначала.

– Анфиса была смелая и красивая, – говорил он, я даже боялся ее иногда, она была равной ему во всем, и с ней не просто было справиться, она бы не потерпела его жестокости и грубости.

Дубыня думал о том, что останься она в живых, он не смог бы просто так тут находиться. Потому если не для князя, то для него все оказалось к лучшему, когда ее не стало.

– Но тебе повезло больше, чем многим, – тут же прибавил он.

Марфа готова была ему поверить.

– Если бы мы тебя не выбрали, ты и близко бы ко дворцу не подошла, а нынче ты тут хозяйка. Ради этого стоит и потерпеть немного.

Но тут и появилась тень Сречи. Кажется богиня судьбы сама решила побродить по княжескому замку. Хотя она привыкла к тому, что ее звали и ждали.

– Жизнь твоя будет долгой и спокойной, – услышала Марфа ласковый голос, если не станешь противиться происходящему, сыновья у тебя чудесные родятся, память о них в веках сохранится. Им ты и подаришь любовь, которая князю не нужна. Это беда, но беда поправимая. Княгиня тут одна, когда тебе тяжело станет, не забывай о том, дорогая.

Среча растворилась в воздухе, но слова ее Марфа запомнила крепко.

Князь весь день провел в чистом поле. не хотел он поворачивать коня назад. Когда от хмеля не осталось и следа, он все увидел так ясно, и такая тоска схватила душу, что он готов был волком завывать.

Он порадовался, что сказал своей жене обо всем. Пусть она не заблуждается.

Она ждала его ночью напрасно. Но нет, в другой раз, пока он не мог смириться с новым своим положением.

Глава 31 В покоях Перуна

Кащей поспешил к своему богу с приятной, как ему казалось новостью – Славен женился на худшей из дев и теперь не знает куда бежать, вот и гуляет в чистом поле, не желая возвращаться домой.

Перун ничего не ответил на его радостное сообщение, только все время смотрел в одну сторону и думал о чем-то своем.

Кащей поспешил удалиться, он был страшно обижен из-за такого невнимания к своей персоне. Нет, не хотелось ему попадать под горячую руку, а то и под молнию Перуна, это всегда для него оборачивалось бедой. Но Кащей ошибся, Перун думал совсем о другом. Он досадовал на странного этого парня, который вовсе не был глуп.

Почему же он не покорится и не признает, что был неправ, не стоит с богами спорить до хрипоты. Ведь он уже и смерти из-за своей спеси доспорился. Каждое разумное существо должно остановиться и признать, что был не прав, а Бог останется богом.

А он только дитем его. Если богу захочется расправиться с ним, то он так и поступит и добьется своего. Но какая-то чудовищная сила заставляла его противодействовать, и он никак не мог остановиться.

Погруженный в свои помыслы, он не заметил перед собой

Морену. Она всегда появлялась бесшумно и незаметно.

Она знала, что Кащей только что ему обо всем поведал. Но кажется Перуна это не обрадовало.

– Ты добился своего, мой сын несчастен все всем, – призналась богиня, – но и тебе самому это принесет большое зло. Все возвращается и к богам тоже, может

Славен и не доживет до того дня, но мы —то с тобой бессмертны. Я не отдам вечности ради мгновения, чтобы посмотреть, как и ты полетишь с небес ко всем своим чертям.

А ради того, чтобы это случилось, я готова с кем угодно союз заключить, пусть потом и со мной это же случится, но сначала я посмотрю, как рухнешь в пропасть ты.

– Что ты несешь, ведьма, – Перун с ходу стал заводиться и яриться, – никогда не бывать этому.

– Все сбудется, и ждать не так долго, ты это и сам ведаешь. Но может Среча побоялась сказать тебе главное? Ты спроси у нее, ей-то все ведомо.

Прежде чем Перун успел метнуть молнию в ее сторону, Морена пропала без следа.

– Но разве кто-то и когда-то посмеет меня свернуть?

Перун знал об участии скифских богов., они исчезли вместе с народом. Но если его народ останется, то когда должен пропасть он? Но она говорила так, словно знала наверняка, издевается, или все так и будет? И все рухнет из-за ее упрямого сына? Да возможно ли такое. Нет, именно Славен станет ее главным оружием в борьбе с миром. Он сам позабо-

тился о том, чтобы парень познал и небеса и землю, и воду, везде был невредим, чтобы он был с этой Ехидной на равных, потом он заставит ее лишиться бессмертия и сметет с лица земли. После этого Громовержец успокоился, словно он уже отомстил Морене.

Тогда у него снова будет сила и неограниченная власть, к которой он так привык. Перун верил, что Сварог никогда не пойдет против него. Он вызвал к себе Змея они долго говорили о жене Славена, о парне, который еще не появился на свет. Он должен стать оружием мести.

– Он будет не его, а твоим, – говорил Перун Змею, – но если он не так делать станет, или не тому ты его научишь, тогда не проси о пощаде.

Змей зашевелился:

– Жена у него больно сера, даже Кашей такую отказывается воровать.

– Ничего, – усмехнулся Перун, – какая есть, ты в точности все исполнить должен, потому на себя пеняй.

Змей озадачился, такого поручения не было прежде. Он ведал, как может быть страшен гнев бога, но отступить было некуда.

Так должен был появиться самый могучий из чародеев. Горыныч радовался жизни, в то время, когда многие из его товарищей уже головы сложили. Например, в схватке с Кием. И все только для того, чтобы доказать, что у них герой появился.

Для этого богини змеями и жертвовали и сколько еще жертвовать будут. А он творцом станет. Но пока можно немного передохнуть, в последнее время после бунта Славена, как —то все завертелось, закрутилось, встало с ног на голову, о покое им оставалось только мечтать.

Вот и заставил их сын Дажьбога и сам страдать, и их суетиться... Тогда впервые ощутил Змей странное одиночество в этом мире.

Весь мир со злом или добром на него взор обращал, только на него и надеялся, его просили, любили, молили и боялись порой. Величие и одиночество — вот его удел.

Часть 2 Детство чародея

Я волк одиночка, не стать мне послушным щенком,
У ног твоих снова замру и растаю вдали.
Но кто-то еще приручить все пытался волков,
И кто-то хотел подарить эту прелесть любви.

Я волк одиночка в просторе безбрежном степей,
Холодная влага мне лапы омает и снова,
Я буду метаться и выть на луну – я ничей,
Меня не пугает каприз и не ранит вдруг слово.

Едва повстречав тебя, я попрощаюсь опять.
И буду в тревоге, и буду в пути я и знаю.
Не быть на цепи, нет, мне Велеса снова встречать,
И в схватку идти, эти вольные дни вспоминая.

А где-то в тумане растаяли верные псы,
Князья и девицы их снова зовут за собою.
Погладят, прогонят, свободу швырнув на весы,
Я волк, а не пес, в этой схватке не сдамся без боя.

Но если однажды мне стать суждено на пути,
Тогда берегись и молись, о, красавица злая.
Легко загрызу, пока когти и даже клыки
Мне служат исправно, я жалости больше не знаю.

Пусть пес заскулит, и заслышит мой вой вдалеке,
Пусть воин оружие снова в тумане хватает.
Я волен и зол, не вести меня на поводке.
Что гнев и ласк, я знаю, любовь убивает.

Но кто-то еще приручить все пытался волков,
И кто-то хотел подарить эту прелесть любви.
Я волк одиночка, не стать мне послушным щенком,
У ног твоих снова замру и растаю вдали.

Глава 1 Снова у озера

Князь Славен не собирався возвращаться во дворец до тех пор, пока не увидится со своей русалкой. Он ждал, пока разойдутся гости из его дворца, встречаться ни с кем больше не хотелось.

Вечерняя заря вспыхнула неожиданно, и он сразу же поспешил в заповедный лес, туда, к озеру, где хотелось ему построить дом и жить, забыв обо всем, что творится в этом странном мире. Тогда можно было позабыть обо всем, что с ним уже происходило, оставаться самим собой и ни с кем никогда не связываться.

Только бы забылось все, с чем он был прежде неразрывно связан.

Иногда приходила бы к нему девица, с которой бы он провел ночь, но ни за что бы на ней не женился. Это самое лучшее из того, о чем бы он мог мечтать.

Князь разозлился, понимая, что это невозможно.

Он никогда не был и не будет простым смертным. Он умрет (как странно это сознавать) первым князем на Руси, и все, кто будут жить, станут называться потом славянами.

А потому он не может жить так, как ему того хочется, должен подчиниться каким — то странным законам, которые уже тут существуют, хотя они тяжки, а порой и ненавистны.

Он не так много и мог в этом мире.

С такими грустными мыслями Славен и пошел к озеру, оставив коня на берегу.

Русалка появилась почти сразу, хотя была удивлена его вторжению.

– Почему ты тут нынче? – спросила она удивленно, – ведь только одна ночь прошла со дня твоей свадьбы. Жена ждет тебя там.

– Не напоминай мне о том безобразии, – взмолился он, мне и без того тошно.

Она и сама уже заметила, как он страдает. Все, что осталось Анфисе – это пожалеть его. Да и что еще могла сделать для князя его русалка?

Она ненавидела Перуна, понимая, какой кошмар тот творит.

– У него не было и нет сердца, если он не остановится и не оставит их в покое.

А еще говорят, что боги добры и справедливы. Какая там справедливость, -тяжело вздохнула она, глядя на князя и вспомнила слова Царя Морского о том, что все это только цветочки, а ягодки будут впереди.

Она передернула плечиками, даже и представить не могла, что им готовит Перун.

NoNoNoNoNoNoNoNo

– Она ни в чем не виновата, эта несчастная, которая стала твоей женой.

– Еще одна жертва, – ты хотела сказать, – не надо, не го-

вори так, она получила больше, чем могла. Что ждало ее? Какой-нибудь мужик-пахарь, но она княгиня, нее есть все о чем другие мечтают.

– Но не это главное, когда князь рядом, а дальше любого холопа, это ли не пытка, для той, которой обещали много, а не исполнили и малого. Все твои богатства не стоят страсти и любви. У меня это было, у нее не будет никогда.

Русалка поняла, что зря радовалась появлению князя, разговор у них получился какой-то грустный. Да и чему радоваться? Они просто должны примириться с происходящим.

Она еще больше расстроилась и пожалела о том, что появилась на берегу.

Князь в унынии побрел прочь. Он был зол на весь мир и на Анфису. Она все время пыталась причинить ему боль. Зачем же это ей нужно было?

– Пожалей меня, – прошептал он.

Но услышать его мог только Леший, который оказался поблизости.

Тот усмехнулся и почесал затылок.

Чем дольше он жил на свете, тем меньше понимал людей.

Но и Славен, пока дошел до замка, понял, что напрасно он везде ищет врагов, ни в чем она не виновата. Виноват он и Перун, хотя тот никогда в том бы не признался..

NoNoNoNoNoNoNo

Русалка хотела взглянуть на сына, который у него родится, о нем, узнав от прях, с восторгом говорили все русалки.

Парень этот еще до рождения уже заставлял о себе говорить, в этом был какой-то странный знак. Сколько же он радости и огорчений принесет, когда появится на свет.

Они ждали его появления, как люди ждут явления Солнца – Хороса после долгой и холодной зимы.

Но саму Анфису терзала тоска. Ведь он возвращался к той, которую может и не любил, но она была жива и невредима. И она будет ближе, чем любая русалка, они смогут соединиться, пусть и на короткий миг, а ей, как бы она не любила, это уже недоступно.

Но Анфиса, из озера своего глядя, и представить себе не могла, как Славену не хочется туда возвращаться, с каким ужасом он вспоминает прошлую ночь и думает о грядущей.

Он мучительно искал и не находил причины, чтобы туда не идти. Как он волен и спокоен был в лесу, и как тягостно становилось, как только он лес покидал. И только власть давала хоть какую-то радость.

В хоромах было тихо, не горели огни, гости разошлись, не дождавшись князя – это была первая радость, ни с кем ему столкнуться тут не хотелось.

Все складывалось не так уж плохо, ну что же. Он улыбнулся и пошел в баню, надо было смыть с себя всю грязь и все зло, которое накопилось за целый день.

Глава 2 Странное происшествие

Княгиня Марфа постепенно привыкала к своей новой жизни. Она не могла смириться лишь с тем, что день пира оказался обыденным. А потом, на следующую ночь, князь и вовсе не пожаловал к ней.

Кажется он сразу же о ней и позабыл, чувствовал себя таким же вольным и делал то, что вздумается.

Она все время ждала его, не смея напомнить о себе, не в силах ничего требовать. И если бы не Дубыня, постоянно ее утешавший и напоминавший, что она хозяйка, а не служанка в этом мире, не должна ни о чем просить, а может требовать все, что ей хочется. Но она все-таки не решалась на такой шаг.

Она обходила все капища богинь, приносила им щедрые жертвы, умоляла о самом малом – о том радости, которую может принести своей жене мужчина, взявший ее в жены. Она просила о сыне и наследнике, чтобы он стал оправданием этого странного союза, и навсегда отдал князя в ее объятья.

Дубыня сопровождал ее в походах по храмам, потому что не мог никому другому доверить, заботился о ней, радовался, что мог хранить ее секреты и становился ей ближе и роднее всех остальных в этом мире.

Он невольно вспоминал и о Варваре, которая так яростно

отвоевывала свое место под солнцем, и хотя у нее ничего не получилось, но он был на ее стороне, нельзя в этом мире быть такой слабой и немощной.

Рискуя навлечь на себя княжеский гнев, Дубыня решил напомнить Славену, что потайная дверь уже сооружена, он должен проявить великодушие и навестить бедняжку, свою жену. Хотя бы ради своего наследника.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Не только верный воевода, но и Лада слышала мольбы Марфы, вот и решила направить к ней непокорного упрямого князя. Ей не нравилось то, что он так много внимания уделяет мертвой, хотя помнить должен о живой, о той, которая рядом.

Вот и вселив в его душу волнение и томное ожидание, она и направила его к княгине, хотя знала, что такие хитрости мало что изменят, он тут же забудет обо всем, как только огонь страсти немного угаснет. Но это лучше, чем ничего, решила богиня гармонии.

Но утро она встретила в одиночестве, проснуться вместе им не пришлось.

Зато возникли какие-то странные сомнения, а был ли с нею Славен? Князь так спешил, будто за ним гнались лютые враги.

И весь день и ночь ее мучили страхи – она боялась, что не сможет родить ему сына в положенный срок и он захочет избавиться от нее, и она отправиться в забытую хижину,

останется только тоска и печаль, насмешки со всех сторон, и придется ей присоединиться к русалкам в лесу, но ведь и там княгиня не найдет покоя.

Но до этих кошмаров оставалось какое-то время и надежда в душе. Ведь сын у нее еще мог успеть родиться, может быть она уже носит его в себе.

На следующее утро в саду и произошло странное событие.

Впервые она отправилась в капище, надо было поблагодарить Ладу за вчерашнее свидание с князем. Но пока она бродила по саду перед храмом, зная, что никому нет до нее дела. И так хорошо было в саду, так благоухали цветы и травы, что Марфа присела на огромный пень столетнего дуба, в прошлом году упавшего во время грозы, она кажется задремала, и увидела, как юноша невиданной красоты идет к ней навстречу.

Он говорит ей, что она любима и желанна. Будто он долго искал и наконец нашел ее. Княгиня чувствовала себя на краю блаженства и верила, что жизнь хороша.

Но дуновение ветерка заставило ее пробудиться от дивного блаженства.

Тогда Марфа и увидела этот кошмар. Жуткая и холодная змея обвилась вокруг ноги.

Княгиня хотела закричать, позвать на помощь, но только бессильно открыла рот, она даже сама не услышала своего голоса. А Змея быстро соскользнула, упала в траву и исчезла.

Княгиня все еще не могла пошевелиться. Она чуяла, что

ничего другого с ней не случилось, она жива и невредима. Но память о том происшествии она осталась с ней до смертного часа. Она знала, что дальше случится еще что-то потрясающее.

Никому, ни одной живой душе ничего она не рассказывала.

Но тут и произошло то, о чем говорили многие. Такого яростного раската грома, такой ослепительной молнии не было никогда прежде.

Некоторые твердили, что это перед концом света. А ведь еще недавно на небе не было ни одного облачка, ничто не предвещало грозы..

Только княгиня после змея, ничего не испугалась.

Она думала о добром знаке, ничего плохого с ней не случится.

Она ощутила, что дитя ее уже в утробе и благодарила небеса за то, что все так случилось.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Змей, вернувшись в чертоги Перуна заставил Громовержца напомнить всему миру о том, что свершаются самые важные события – скоро у них появится могучий чародей.

Перун с ним сразу согласился.

Славен слышал о громе среди ясного неба, все вокруг говорили о каком-то важном событии, хотя никто не мог объяснить толком, что за событие должно случиться. Его же могло взволновать только то, что вражьи полчища стоят пе-

ред градом, если этого нет, то и беспокоиться ему не о чем.

Это его равнодушие могло принести беду, Морена чувствовала это. И хотя она не могла рассказать ему о страшной тайне Перуна и Змея, но она напомнила ему о том, что на свет должен появиться его наследник. А ему не следует отмахиваться от матери его ребенка.

– Я прошу тебя чуть больше ласки ей и внимания, а любить ты волен кого хочется.

Князь понимал, что следует прислушаться к ее словам, даже исполнит то, что она желает. Но память коротка, как легко ничего не делать и получить все, что хочется.

Морена хорошо понимала все его чувства, с горечью со знавала, что почти все ее усилия пропали даром. Хотя Марфа почти сразу очень изменилась, она стала смелее, упорнее. Готова была хозяйничать в замке, иногда даже приказывала. Ведь отпали сомнения в том, что она бесплодна, появилась надежда, что подарит князю ребенка, о котором он мечтал, из-за которого их женитьба и затевалась.

Постепенно она становилась княгиней, и те девицы, которые ждали ее крушения, теперь разочарованно отошли в сторону.

Русалка видела гром и молнии, ей было ведомо все, что произошло, но она ничего не хотела рассказывать князю. Пусть он остается в неведении, ведь это не самое худшее из всего, что с ними могло случиться.

Глава 3 Рождение Волхва

На этот раз все происходило чудесным образом. Княгине не надо было так долго мучиться и ждать появления ребенка. Он появился на свет уже через три месяца, после того, когда Марфа столкнулась со змеем, и оказался крепок, могуч силен, словно ему уже полгода от рождения было. Удивлялись старухи-повитухи, а Рожаницы, которые никак не могли пропустить такого рождения такого малыша, все время говорили о том, что будет он расти не по дням, а по часам, и судя по всему эти загадочные пророчества сбудутся.

Но тогда в бане оказались кроме старух и еще кто-то из воинов, там точно был Дубыня. О том, что мог бы появиться и князь, никто не вспомнил. Да его и не было в городе, уже несколько дней назад он отправился куда-то ни о чем ее не предупредив, а Дубыня если и знал, куда тот отправился, то молчал, словно в рот воды набрал, да она и не спрашивал. Захочет сказать, сам скажет. А если нет, так просить его бесполезно.

Князь Славен же отправился в то время в степи, чтобы навестить своего брата Скифа, но об этом его близким не обязательно было знать.

Княгиня же думала только о наследнике, и если бы Славен пропал куда, она бы тоже это не сразу заметила.

Она думала накануне о том, что бессмысленно требовать

то, чего тебе никогда не дадут. Вот и молчала сердито. А вся ее нежность и любовь должна была достаться ребенку. А сам Славен пусть живет так, как ему хочется, ведь давно известно, что не стоит будить Лихо, пока оно спит.

Возвращаясь из похода, князь отправил дружинников в град, а сам свернул к озеру, чтобы сначала навестить Анфису, поговорить с ней, а потом отправляться домой.

Русалка знала, что он появится и мучилась, говорить ли ему сразу, что у него сын родился и отправить его туда или немного подождать, побыть с ним, а потом обо всем и рассказать. Но так она ничего и не решила, сколько не старалась. Она тут же сообщила о том, что приключилось, пока он странствовал.

Славен не улыбнулся даже, будто у одной из служанок, а не у княгини родился сын.

– Неужто он так собой владеет. Или ему все равно? – думала Анфиса.

– Они все там так радуются, - снова стала говорить она, но князь перебил ее.

– Я спешил к тебе, даже у брата задерживаться не стал, а ты хочешь поскорее меня отправить прочь? Это не твой сын, значит и не мой тоже, – отрезал князь, словно они говорили о ком-то чужом и далеком.

Теперь русалка видела, что это не притворство, хотела закричать о том, что он еще об этом пожалеет, но видя, что он и так на нее сердит, сдержалась, и решила больше этого

не касаться. Да и радовало ее и грело, то что он только о ней и думает.

Князь пробыл у озера дольше обычного. Марфа знала, что дружина вернулась, не было только самого Славена. Она не сомневалась, хотя они все молчали, что он свернул к тому самому озеру.

Она не хотела об этом думать, но и сыном его не удержать, тут верховодит мертвая девица и всем заправляет она одна.

Так тяжело стало у княгини на душе, что она прорыдала всю ночь, остановилась только когда громко заплакал ребенок. И снова она стала думать о сыне и наследнике. Он принадлежал только ей одной, и стал ее радостью.

№№№№№

Пришлось русалке напомнить, что Царь Морской им говорил, будто главный чародей на земле родился, многое ему будет подвластно в этом мире.

– Да, Перун что-то снова задумал, – все это неспроста, – говорил Славен.

– Будь осторожен, не отдавай им ребенка, а они уж найдут как у тебя его отнять.

Славен видел, что Анфиса чего-то ему не рассказывает, чтобы пощадить его и не лишать заранее покоя. Но он не сможет относиться слишком спокойно к этому парню. Даже если он оставит ему все земли в наследство, но любовь и тепло он отдать не сможет, потому что нет их в душе.

И по тому, как долго он оставался на берегу, она поня-

ла, что он совсем не любит этого парня и его мать. Ее слова предостережения – звук пустой

А между тем ребенок громко, почти яростно кричал, возвещая о своем появлении на свет. И все должно было происходить по-другому.

Слушая его крик, Марфа вспомнила слова ведьмы, которая была в то время с ней.

– Я никогда не видела таких детей, это божественный отпрыск, но какая странная у него будет судьба.

Княгиня хотела спросить о том, что же в судьбе его такого неожиданного, но та так взглянула на нее, что оставалось лишь замолчать и ждать того часа, когда тайное станет явным.

– Не будет он тебе принадлежать, – только и отвечала ведьма, – да и никто в этом мире не сможет с ним сладить, и не старайтесь. Но красавец, каких прежде не бывало и потом не будет. Сколько всего и доброго и скверного он сотворит, трудно сказать, сколько душ он погубит.

Ведьма, словно испугавшись своих слов, тут же замолчала, а княгиня, запомнив каждое слово, боялась даже думать, что услышала в ту ночь.

Но она была свободна от бремени, почти счастлива и весела. Она гордилась тем, что родила чудного ребенка, ему вся ее любовь и достанется...

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Славен появился во дворце только на рассвете. Он спо-

койно отвечал, что только что вернулся.

– Я знаю все, даже больше, -как —то неопределенно бросил он, – у нас есть наследник, вот и ладно, отдыхай.

В холодности было что-то зловещее. Он даже не приблизился к ее ложу, не высказал радости, едва взглянул на младенца в руках у служанки.

Было горько и обидно. Но Марфа уже привыкла к такому отношению, и не роптала.

– Он все-таки пришел, – говорила она, словно это было высшим даром для нее. Но младенец вроде был не согласен с такой покорностью, он снова яростно заревел. И она сама подошла к люльке, чтобы на него взглянуть.

Он возмущался тому, что видел и слышал, хотя сама княгиня не поверила быв то, что такое может быть.

– Он даже не взглянул на ребенка, на сына, – говорила она Дубыне, как только тот повернулся к ней.

Воевода ничего не ответил.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Но жизнь текла своим чередом, и дарила им одно чудо за другим. Как потом напишут сочинители былин, он рос не по дням, а по часам, и на глазах у изумленных слуг и княгини превращался в отрока.

Уж если кто не дивился этому, так Змей, все время по ночам, обернувшись на всякий случай Дубыней, он навещал своего сына. Он тихо, незаметно для всех стал учить мальчика всем премудростям. Они стали неразлучными.

А проснувшись утром Дубыне и Марфе оставалось только дивиться, когда они видели то одно чудо, то другое.

Дубыня, пробудившись однажды ночью, прошел в детскую, ему показалось, что там кто-то разговаривает.

Тихо заглянул туда. Как же он был изумлен, когда узрел там себя. Уж перепутать не мог. Но тогда никому и ничего он не сказал, да и как скажешь такое?

Многие гости, даже сам Скиф приезжал, чтобы взглянуть на Волхва. Он был поражен не меньше других, хотя не верил, что его могло что-то в этом мире удивить.

Глава 4 Прогулка в лесу

Князь Славен в последнее время все больше любил охоту. Убивать зверей, носиться за птицами в чистом поле, встречаться с чудесами, любоваться природой – это самое лучшее, что было в его реальности.

Нравилось ему и встречать красавиц на пути, то ли берегини это были и русалки, то ли просто девицы – все казалось лучше, чем с женой и сыном в замке томиться.

И норовил он вместе с дружинниками все дальше и дальше отправиться.

В Славенске оставался Дубыня. Который решал все повседневные дела, который уже и не воеводою, а почти князем считался. Та власть, которую он боялся потерять когда-то, которой его Соловей чуть не лишил, по-прежнему оставалась в его руках. Ему хватило мудрости не прыгнуть выше головы, удержать-то, что ему было даровано.

Странные дела творились в Славенске. Он и прежде славился своей дикой гордыней, самовольством, непокорностью, будто чуяли они, что навсегда он таким останется.

А впрочем, ни о чем люди не думали, они просто жили, как им хотелось, как считали лучше.

№№№№№№№№№№№№

В тот день Славен снова был на охоте, все его радовало, все ему по нраву было. Леший к этому руку свою приложил,

чтобы князю угодить.

Он хвалился перед другими Лешими, что князь особенно любит бывать у него, и хотя сам Славен был у богов на дурном счету, но для духов это было симпатично.

Боги от них далеки, почти никогда не появляются, а князь, дерзнувший с ними спорить – близко.

Вот потому на этот раз Леший и посоветовал ему домой возвращаться.

– Нет, не хочу, – отвечал ему Славен, – не мил мне сын от нелюбимой жены, не стану я там много времени проводить.

Впервые он произнес вслух то, о чем только сам смутно догадывался. Но все догадки были подтверждены в тот миг. Он не заботился о том, что эти слова будут известны Перуну.

Перун следил за князем и слышал все, что было сказано, тут же сверкнули молнии, так, что даже Леший зажмурился. Огромные деревья раскачивались

вокруг, одно из них упало прямо перед княжьим конем. Он отшатнулся, кажется земля задрожала.

– Проклятие, Громовержец, да оставишь ли ты меня когда или нет, – взревел от ярости Славен, – что у тебя нет иных забот, только со мной тягаться. Видно я слишком много для тебя значу.

Он в ярости захохотал от слов, произнесенных вслух. Перуну стало не по себе.

Леший был уверен, что весь его лес под землю или под

воду уйдет. Но произошло обратное. Буря утихла.

Громовержец отступил, не ему было с изгоем князем спорить. И духи будут твердить о том, что десяток лет он с сыном Морены сражается и не может его победить.

Яростная страсть спасла на время Славена от преследования, как никакие мольбы и жертвы не смогли бы уберечь. Но это была только передышка.

Волхв же рос не по дням, а по часам. Змей отец его многому обучил, пока князь пытался от него отдалиться.

Это ему лучше и лучше удавалось с каждым днем.

NoNoNoNoNoNoNoNo

В те дни на град их все-таки обрушился ливень. Шел он несколько дней, грозя потопить жилища людей, погубить весь грядущий урожай, и заставить их умереть от голода.

Кто тихо, а кто и громко твердил о том, что во всем виноват князь.

Тогда мальчик вышел в чистое поле, чтобы попробовать его остановить. И хотя он не ведал, как это сделать, но Змей столько времени внушал ему, как творятся подобные хитрости и что равного ему в чародействе нет, что он невольно решил попробовать. И чудо произошло, после того, как были произнесены слова заклятия, ливень перестал в один миг.

А потом и радуга возникла на небесах, да такая яркая и красивая, что и слепой бы смог ее узреть.

Волхв заметил, как со всех сторон по грязи к нему шли люди, они страшно устали от дурной погоды, и теперь только

и могли радоваться тому, что все наконец завершилось.

Никто не сомневался в том, что спас их юный чародей.

Откуда-то появилась рядом с ним и Марфа вместе с Дубней, как они могли пропустить такое зрелище.

Она была счастлива невероятно.

И только Морена совсем рядом твердила:

– Да что они делают, они ведь испортят парня. Старик никогда от подлости своей не откажется, а потом мне и останется только все расхлебывать. И что они со Змеем творят, ума не приложу.

Она знала, как горько и тяжело будет потом ее внуку, когда все окажется не так красиво и складно, как теперь.

И чему радуется эта безголовая девица, словно самого Сварога она породила, а не обычного чародея.

Марфа была только слепой и глухой матерью, какой с нее спрос. А мудростью наделены богини, да и то не всегда, вот хотя бы Жива.

Морена знала, что скоро она столкнется со своей главной соперницей, тогда и будет видно, кто и чего стоит. Но пока ей нужно было о сыновьях и в руках позаботиться.

Когда Волхв начал свой путь на земле, ей некогда было думать о других.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Дождь с того дня перестал. Дубыня радовался вместе со всеми. Но когда он рассказал князю о происшествии, на душе у него было беспокойно. Он никак не мог понять,

почему так переживает.

– Что тебя беспокоит? —спросил его князь.

– Кому боги много дают, с того много и спросят, заговорил богатырь, решив не хитрить больше.

– Это не так страшно, – отрезал Славен.

Ему вовсе не хотелось говорить о таких мелочах.

Славен был равнодушен к судьбе парня, словно знал, что он не его сын и наследник, но разве можно было с ним так поступать?

– Оставь его в покое, он у вас уже богом сделался, а ведь ничего еще толком не может., -остановил его Славен, сколько же можно было о том говорить.

– Но он растет и матерееет больно быстро, не чувствует никакой опасности, которая так хорошо видна.

Но Славен уже ушел. Князь не скрывал своей ярости..

Дождь прекратился, эка невидаль, словно бы он не прекратился раньше или позднее. И радуга не в первый раз в небесах появляется, а этот решил из мальчишки чудесника сделать. И ладно княгиня, какой с нее спрос, ей и любить больше некого, но старый воин, да как он может.

Так постепенно князь Славен убедил себя, что просто много шуму из ничего сотворил его воевода.

Глава 5 Чудеса продолжаются

В тот вечер князь рассказывал русалке, о происшествии, о том, как с мальчишкой даже Дубыня носится, и усмехнулся.

– Но они правы в том, во что ты верить не хочешь, – тихо произнесла русалка, зная, что он на нее рассердится. Но все равно она должна была сказать ему это.

– Вот значит как, и тебя этот чертов парень убедил в своем божественном происхождении, и в том, что вся природа остается в его власти.

– Сам парень тут не при чем, разве ты не знаешь, что он в руках Перуна и его Змея, а они сделают из него то, что захотят, если ты не веришь в это, то оно все равно никуда не денется. Не сердись. Ты знаешь, как я тебя люблю, разве я когда-то лгала тебе, была против тебя? Но будь осторожен, в этом ребенке столько бед таится, что остается диву даваться, а ты остаешься таким беспечным, словно тебя это не коснется.

Но Славен уже бросился в озеро и поплыл дальше. Русалка когда-то взяла с него слово, что он не станет к ней приближаться в воде, указала на ту границу, за которую он заплывать не должен. Она все еще боялась собственного хвоста, из-за которого ее возлюбленный мог ее презирать. Но видя, как он сильно плывет, она невольно залюбовалась им, и чуть

сама не поплыла к нему, нарушая собственный запрет. Только страх перед разоблачением заставил ее остаться на том же месте.

Но на протяжении стольких лет и стольких бед князь доказывал ей свою верность, что страх стал отступать, она его потеряла где-то и осталась вольной и свободной.

Она была с ним счастлива, кажется и он тоже улыбался ласково, хотя на сына Морены это не было похоже.

№№№№№

Змей вместо игрушек принес Волхву латы и маленькое оружие, которое в кузне для него мастер специально выковал. Волхв забавлялся, постигая вместе с колдовством и науку сражаться. Ведь и на коне с булавой или мечом в руках ему не должно быть равных. Колдовство хорошо, но не всегда к нему прибегать следует. Он это очень хорошо усвоил, пока обучал княжича разным хитростям.

Хотя Марфа, узрев эту игрушку, распорядилась, чтобы все убрали да спрятали, но парень такой рев поднял, что слуги верные все вернули назад.

Больше никто не вмешивался в его обучение. Ведь руководил им кто-то неведомый, напрасный труд – попытаться помешать ему в этом деле.

Змей, когда парень обучился главному, напоследок готовил для него трудное заклятие. Он должен был зверем лесным по всем чащам рыскать, рыбой-щукой в море плыть, орлом могучим в небеса воспарить, чтобы все стихии были ему

подвластны.

Только после этого мог змей немного успокоиться, уверился, что теперь все у него ладно да складно будет. А пока еще много чего сделать надо было, многому научиться.

Но это происходило вечерами, когда богатырь и мать его отправлялись спать.

А днем сама Марфа с великой радостью проводила с ним все время. Хотя княгиня мало что понимала во всех премудростях. Но видя, какие чудеса происходят во все верила с радостью.

Грустно было ей только когда Волхв спрашивал ее об отце. Она не хотела ему лгать, но не ведала, что ему ответить. Почему часто он уходил на целые дни, где пропадал князь Славен, когда его дружинники возвращались с охоты, почему он не замечает матери, словно она одна из служанок, да и на него почти не смотрит.

Он ничего не ведал об отцовской любви и тайной жизни и постоянно чувствовал, что ему не хватает чего-то важного и значительного.

Но это происходило вечерами, когда богатырь и его мать отправлялись спать, а днем они с великой радостью проводили вместе свое время.

И хотя княгиня мало что понимала во всех колдовских премудростях, но видя, какие чудеса он творит, верила в то, что сила его будет не только во владении оружием.

Грустила княгиня только когда Волхв спрашивал об от-

це. А интересовался он отцом своим все чаще и чаще. Она не хотела его обманывать, но не знала, что же ему ответить на все его расспросы.

– Почему князь так часто уходит на целые дни, где пропадает, когда его дружинники возвращаются с охоты, почему он не замечает ни матери ни его самого.

Отрок ничего не ведал об отцовской любви к русалке, но постоянно чувствовал, что у того где-то есть другой мир и другая жизнь. Однажды мальчик прямо спросил:

– Скажи, матушка, а не Дубыня мой отец, он всегда с нами, так добр и заботлив.

Странно побледнела Марфа, тогда она и решила, что стоит ему рассказать обо всем, о чем тот пока не догадался.

– Он любит другую, всегда ее любил и будет любить, и нам ничего с этим не поделаться, сынок.

– Но почему тогда он не женился, и взял тебя, а не ее в жены?

– Он не мог жениться на ней, она погибла давно, еще до нашей свадьбы, а он никак не может ее забыть. В самом начале и он и Дубыня сказали мне о том. Вот он и ходит на то озеро, где она навсегда осталась. Холодная и мертвая ему дороже и меня и наследника, что тут сделать. Но не сердись на него, он подарил тебе жизнь, а мне все это, что у нас теперь есть, я не хочу оставаться в лачуге, в которой жила до того, когда стала княгиней, Дубыня это понимает, пойми и ты, дорогой.

– Но почему ты не потребуешь большего? – удивился

Вольга

– Я была молода и не так умна тогда, и никто не научил меня, как бороться с ней, а теперь уж поздно видно.

– Нет, – яростно произнес сын, – ты слишком добра и безропотна, а с ним надо по-другому. А мне мало того, что я княжеский сын, он не должен быть к нам равнодушен или жесток. Ты напрасно защищаешь его, матушка.

– Нет, сынок, чтобы ты не говорил, я всегда буду его защищать, я рада тому, что стала княгиней и получила тебя в дар.

Но разве так будет всегда, не пожалеет ли она обо всем, что с ней случилось и не случилось? Ей захочется любви и заботы, потому что нельзя быть такой одинокой и неприкаянной. Если это ясно даже для него, то почему же она так противиться.

Дубыня и слуги рассказывали ей про Варвару, и хотя та погибла в своей неистовой борьбе, но разве такая жизнь лучше?

В один из дней, когда Волхв снова завел тот же разговор, она испугалась, услышав, как он гордо заявил, что обойдется без отца, если тот не хочет его знать, но потом он о том пожалеет.

– Не говори так, сынок, – попросила она.

Но она знала, что Волхв ее не послушает. Он слишком упрям и непримирим, когда видит, что все так повернулось.

Тогда ей становилось страшно за князя и за сына, каза-

лось, что их ждала большая беда.

Глава 6 Ведьма

Старуха все еще была жива. Она не вмешивалась, когда Марена разделалась с ее внучкой. Но теперь она решила взглянуть на парня и предупредить его о том, что в его положении много и хорошего и дурного с ним еще случится. Он должен быть готов ко всему.

Она выбралась из своей хижины вечером, зная, что Змей нынче должен с ним встретиться, и совсем скоро передаст ему такие знания, о которых еще века будут слагать легенды и предания.

Теперь она стояла за кустами и поджидала его появления. Змей оглянулся, почувствовал, что старуха все-таки появилась и окликнула его.

– Долго ты еще собралась укрываться? Если хочешь смотреть на него —смотри.

Волхв невольно оглянулся. Она тут же вышла, худая и высокая, в последние годы уже почти не видевшая людей

– Так значит вот ты какой, – задумчиво говорила старуха, – может у тебя что и получится, как знать, что-то только больно молод.

Волхв не испугался ее, хотя вид у нее был зловещим.

– Чем не мила тебе моя молодость? – с вызовом спросил он, понимая, что старуха появилась тут не просто так.

– Боюсь, что не увижу, как ты отцу своему постылому ото-

мстишь.

И хотя мальчишка не любил своего отца, но слова старухи его насторожили;

– А почто ты мести жаждешь, что такое он сотворил?

– Он всем что-то сотворил, из-за него внучка, кровинушка моя столько терпела, лютой смертью погибла, бедняжка.

– Отец мой не лучший из живых, – отвечал он старухе, но не верю, что он девиц убить мог. – он сам не убивал, еще бы, да только из-за него она померла и все беды на земле из-за него творятся.

И тогда впервые Волхв задумался о той страшной тайне, которая окружала его с детства. Он думал о русалке – о ней рассказывала матушка, еще о какой-то девице — за нее старуха хотела мстить.

– Но зачем тебе так долго ждать? – усмехнулся он с жесткой усмешкой, обернувшись к ней, – ведь ты и сама немало можешь. Вот и мстила бы. И снова она усмехнулась бы беззубым ртом.

– Нет, милоч, мой Перун тебя для мести сотворил, да и не что мои силы в сравнении с твоими. Нет, мстить ты должен, я только посмотрю, как он потом припомнит все свои грехи, когда в муках корчиться начнет.

Весь тот вечер Волхв был несговорчив и зол. После встречи со старухой он уверился, что все не так просто ему дано, он =только оружие в глазах бога, еще каких-то сил, о которых он ничего не ведает. Даже эта старуха видит, что он дол-

жен за всех отомстить.

Но ему не хотелось этого делать. Вот он и гадал – откажется или совершит все, что требовалось.

Но если он получит знания, то за них потом расплачиваться придется. Он не знал, насколько сильны те боги, не ведал их замыслов и чего они от него потребовать могут даже не ведал. Он чувствовал себя игрушкой в их руках, это его страшно бесило.

Хотелось потребовать от Змея, чтобы он все рассказал, но взглянув на него, мальчик понял, что Змей ничего ему не скажет. Ему придется оставаться в неведении и дальше. Он должен пощадить человека, из-за которого так страдала его матушка. И в гордыне своей князь по-прежнему не обращал на него внимания.

Волхов решил, что у него еще есть время обо всем подумать, потом только решить, а пока надо взять то, что они дают.

Волхв уходил от ответа, ведь знать ему хотелось еще больше. __

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.